

ЛИЯ ШИРОКОВА

18+

ЕГО ПЕШКА —
ЕЁ КОРОНА

Лия Широкова

Аид. Его пешка - Её корона

«Автор»

2026

Широкова Л.

Аид. Его пешка - Её корона / Л. Широкова — «Автор», 2026

Аид — беспринципный мажор, возомнивший себя королём академии «диАмадА». Он установил здесь правила, и каждый студент обязан соблюдать их беспрекословно. Ослушаться — значит бросить вызов самому дьяволу, и тогда нарушителя ждёт наказание, вплоть до исключения. Ева — гордая, целеустремлённая девушка, для которой учёба в элитной академии — не просто удача, а шанс на лучшее будущее. Она не намерена прогибаться и выполнять глупые правила наглого, жёсткого и безбашенного мажора. Аид не собирается спускать новенькой такую дерзость. Он решает проучить её как следует — жёстко, показательно, чтобы другим неповадно было. Однако Ева не думает сдаваться. Её непокорность, огонь в глазах вызывают интерес мажора. Но всё меняется, когда он узнает её тайну. И тогда он решает сделать её пешкой в своей жестокой игре.

© Широкова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ева	5
Глава 2. Ева	8
Глава 3. Ева	12
Глава 4. Ева	14
Глава 5. Ева	17
Глава 6. Ева	19
Глава 7. Ева	22
Глава 8. Ева	24
Глава 9. Ева	27
Глава 10. Аид	30
Глава 11. Ева	33
Глава 12. Ева	36
Глава 13. Ева	39
Глава 14. Ева	42
Глава 15. Ева	45
Глава 16. Ева	49

Лия Широкова

Аид. Его пешка - Её корона

Глава 1. Ева

Я резко распахиваю глаза, когда моё тело окатывает ледяная вода. От ужаса вскакиваю, но в следующее мгновение меня хватают за запястье и одним резким рывком сбрасывают с кровати.

Не успев смягчить падение, приземляюсь на пол прямо на копчик. В глазах темнеет от дикой боли. Пока пытаюсь сфокусировать зрение, меня подхватывают за талию и поднимают с пола, вжимая в твёрдую, как камень грудь. Ноги болтаются в воздухе. Рот зажимает чья-то лапища, так что губы прилипают к зубам.

Это не сон.

Меня похищают.

Паническая мысль пронзает, как электрический разряд. Я хватаюсь руками за запястье моего похитителя и пытаюсь оторвать ладонь от своего рта. Дёргаю ногами, стараясь врезать гаду, который прижимает меня к себе так, что мои рёбра вот-вот треснут. Ничего не выходит, каждое движение отдаётся острой болью в копчике.

Перед глазами мелькают темные длинные коридоры общежития. Потом меня несут по стеклянному переходу между жилым и спортивным корпусами.

Мои силы на исходе. Воздуха не хватает. Паника нарастает. Я начинаю задыхаться.

Когда меня затаскивают в темное помещение спортивного зала и до моих ушей доносятся многочисленные голоса, у меня открывается второе дыхание. Я со всей силы замахиваюсь ногой и заезжаю этому уроду пяткой по ноге.

— Сука, — шипит он, ослабевая хватку.

Я со всей силы дёргаю за его запястье и впиваюсь зубами в его ладонь.

— Тварь, — его рёв разносится эхом по помещению.

И в следующее мгновение он резко убирает руки, и моя задница опять встречается с полом. Повторная пронизывающая боль такая сильная, что из глаз катятся слёзы. Хочется завывать, но по залу проносится тихий, но до жути ужасающий голос.

— С чего ты взяла, что можешь пропускать посвящение?

Я вскакиваю на ноги, обхватывая себя руками. Мокрые вещи и прохладный воздух в помещении провоцируют на моём теле табун мурашек, а зубы отбивают чечётку.

Поднимаю взгляд на трибуну. В полумраке, в окружении своих шавок, замечаю того, кто возомнил себя королём академии «диАмадА». Он сидит, широко расставив ноги, упёршись локтями в колени. Из-под чёрной футболки выползают мрачные татуировки, обвивая его шею и руки до самых кистей. Он смотрит на меня исподлобья, и в этом взгляде не читается ничего хорошего.

Он надменный, самодовольный, беспринципный гад, который решил, что планета крутится только вокруг него. И все обязаны ему подчиняться, а если нет — их жизнь превратится в ад. Ведь это сам Аид Кантер.

Да. Да. Я про него слышана.

Но я не из тех, кто пресмыкается. И всегда смотрю проблемам в глаза. А он проблема всей академии, значит, и моя.

— Не видела в программе академии такого пункта, — дерзко отвечаю, прослеживая за парнем, который меня сюда притащил. Он разваливается на скамейке рядом со своим другом, разминая большим пальцем укусы на руке.

— Она не получала наш буклет? — Аид спрашивает своих шавок, не сводя с меня взгляда.

Закатываю глаза. Видела я этот дурацкий буклет для пресмыкающихся. Даже читать не стала.

— Я ей лично вручил, — отчитывается парень за его спиной.

— Тогда она просто решила проигнорировать наши правила, — Аид делает верное заключение.

Он едва заметно наклоняет голову набок, сканируя взглядом мою фигуру, но при этом его взгляд такой, словно перед ним не девушка, а вещь, которой требуется оценка, чтобы продать на каком-нибудь блошином рынке.

— Раздевайся, — приказывает Аид.

— Что? — переспрашиваю, потому что мне кажется, что при падении мои ушные перепонки повредились и теперь у меня проблемы со слухом.

Переминаюсь с ноги на ногу, так как мои босые ноги уже заоченели стоять на холодном полу.

— Глухая что ли? — выкрикивает один из приспешников Аида, скаля зубы. — Раздевайся! Покажи нам свои прелести, убогая!

— Да пошли вы!

Я показываю средний палец и резко разворачиваюсь, готовая бежать, сверкая пятками. Но тут же останавливаюсь. Возле двери стоит ещё один дружок этого гада.

Вот чёрт. Кажется, я влипла по полной.

Глухие, тяжелые шаги за моей спиной заставляют развернуться обратно.

Аид лениво спускается с трибуны, убрав руки в карманы чёрных джинсов.

Он подходит так близко, что я чувствую исходящее от него тепло. Его взгляд буравит моё лицо, затем опускается ниже. На грудь. На мокрую белую ткань, почти прозрачную, на тёмные круги сосков, отчётливо проступающие от холода.

— Это моя близость так будоражит тебя?

Он резко вынимает руку из кармана и точным движением щипает меня за заострившийся от холода сосок.

Грудь пронзают будто тысячи иголок.

— Не смей ко мне прикасаться!

Моя рука реагирует мгновенно, отвечивая звонкую пощёчину этому хаму. Его голова от неожиданного удара дёргается в сторону.

В зале воцаряется гробовая тишина. Его приспешники замерли в ожидании шоу.

Аид медленно, очень медленно поворачивает голову обратно. И вот тогда мне становится по-настоящему страшно. Его глаза становятся чёрными, полными ненависти. В них обещание убивать меня медленно и со вкусом.

— За это, — говорит он тихо, обманчиво ласково, — ты будешь полировать мой член два раза в день.

— Даже не мечтай.

— Будешь, — вкрадчиво произносит он. Делает шаг ближе, его дыхание касается моего лица. — Иначе твоя жизнь здесь превратится в ад, который я устрою тебе лично.

— Возомнил себя королём?

— Скорее дьяволом, — уголок его рта подёргивается в чём-то, похожем на улыбку. А мне хочется закатить глаза из-за примитивного сравнения. — Это моя академия, и такие, как ты, будут подчиняться мне.

— Какие «такие»?

— Ущербные сироты.

Сволочь!

— Во-первых, это академия твоего отца. Во-вторых, лучше быть ущербной сироткой, чем иметь родителей, которые мечтают от тебя избавиться и для этого открывают закрытую академию.

Я попадаю прямо в точку. В его глазах вспыхивает пламя, которое опаляет и меня. Делаю шаг назад. Судорожно соображаю, куда мне бежать. Инстинкт самосохранения напоминает, что в раздевалках есть дверь, которая ведёт в коридор.

— Думаю, начнём прямо сейчас, — его рука опускается на ремень.

Щелчок расстёгиваемой застёжки звучит громче выстрела. Мой мозг отключается. Включаются ноги. Я срываюсь с места, словно выпущенная из лука стрела, и несусь к дверям раздевалки. Со стороны трибун раздаётся дикий, звериный хохот.

— Не убежишь, убогая!

Я влетаю в раздевалку, сердце колотится так, что, кажется, вырвется наружу. Оббегаю ряд металлических шкафчиков, заворачиваю за угол. Пихаю плечом тяжелую дверь, задевая шрам на боку металлической ручкой, неприятная боль отдаётся во всем теле, но на жалость нет времени, и я выбегаю в коридор.

— Держи её! — из соседней двери выбегают шавки Аида.

Ускоряюсь, словно я на кроссе по бегу, и устремляюсь под дикий хохот этих ублюдков в сторону перехода к жилому корпусу. Уши от ужаса закладывает. Пальцы на ногах я не чувствую. Я будто во сне, бегу, но кажется, что остаюсь на месте.

Наконец, забегаю в комнату. Захлопнув дверь, прислоняюсь к ней спиной, тяжело дыша. Отличное начало учебного года. Просто супер.

Внезапно ручка двери опускается и дверь толкают....

Глава 2. Ева

Дверь толкают сильнее, но я упираюсь пятками в пол и изо всех сил прижимаюсь спиной к деревянному полотну. Тянусь рукой к замку, чтобы его закрыть, но голос за дверью меня останавливает.

— Ева, это ты держишь дверь?

— Агата? — отхожу в сторону и распахиваю дверь.

— Ну а кто ещё может быть?

Моя соседка заходит в комнату, еле волооча ногами. Я выглядываю в коридор и быстро осматриваюсь. Никого.

— Ты где была? — захлопываю дверь, проворачиваю замок и проверяю дёргая за ручку. И тут до меня доходит: когда я ложилась спать, я закрыла дверь. Значит... У них есть ключи. Это плохо. Очень плохо.

— Убирала комнату одного из мажоров, — Агата стягивает с плеч джинсовку и вешает её в шкаф.

Бросаю взгляд на электронные часы на письменном столе. Два часа ночи.

— Зачем? И так поздно?

Она плюхается на свою кровать, сгибается пополам и закрывает лицо ладонями.

— Я была на посвящении, — грустно вздыхает она.

— Зачем ты туда пошла?

— У меня не было выбора, — она поднимает голову и смотрит на меня. Затем её брови сходятся на переносице. — Ты почему мокрая?

— Мажоры вылили на меня воду, когда я спала, — скидываю мокрую майку, шорты и надеваю тёплый спортивный костюм.

— Придурки, — она поднимается с кровати, достаёт из-под подушки свою ночнушку и тоже переодевается.

Я снимаю с кровати постельное бельё и бросаю его в угол, чтобы завтра отнести в прачечную. Мокрое одеяло вешаю на два стула, чтобы высохло.

— К кому ты попала? — спрашиваю я.

— Самсонову.

— Климку?

— Да.

— Ещё один отморозок.

Агата забирается под одеяло и двигается к стенке.

— Ложись со мной. Не спать же тебе на мокрой кровати.

— Спасибо, — беру декоративную подушку и ложусь рядом.

— Вчера на посвящении был какой-то ужас, — Агата складывает ладони и кладёт их под щёки. — Нас было семеро. Сначала спросили, кто хочет стать подстилкой мажора за его покровительство. Две девчонки согласились, и на них начался аукцион. После чего они сразу ушли со своими покровителями. Потом спросили, кто хочет стать личной прислугой.

— И ты согласилась? — догадываюсь я.

— Да, — тяжело вздыхает. — И меня забрал себе Самсонов. А сегодня одну из девочек, отказавшуюся от всего, обвинили в краже, и ей грозит отчисление. Даже не знаю, что ждёт остальных.

— Уроды. Им доставляет удовольствие издеваться над такими, как мы. Они это посвящение устраивают каждый год с теми, кто поступил в академию по квоте.

— Будь аккуратнее, они могут и тебя подставить.

— За меня не переживай. Я справлюсь.

— Хорошо, — шепчет Агата и закрывает глаза.

Я переворачиваюсь на спину, устремляя взгляд на потолок. Забираюсь рукой под толстовку и вожу пальцами по длинному шраму вдоль ребер и живота. Мне нужно дать отпор, а потом им надоест, и они сами от меня отстанут.

Я не думала поступать именно в эту академию. Но когда мне предложили квоту, я не смогла отказаться и упустить такой шанс. Здесь самые лучшие преподаватели, стажировка и гарантия трудоустройства.

Не замечаю, как засыпаю. Будит меня настойчивый голос Агаты:

— Ева, просыпайся. Через сорок минут начинается пара.

Я подсказываю с кровати и, спотыкаясь, бегу в душ, радуясь, что ванная комната и туалет есть в каждой комнате и не нужно занимать очередь в общей душевой, как это происходит делать в обычных общежитиях.

— Вот чёрт, — ахаю я, увидев в зеркале что-то похожее на домовёнка Кузю. Мои светлые волосы взъерошены и торчат в разные стороны. Веки опухшие, а под глазами синяки.

Вот сейчас я точно похожа на убогую.

Придётся мыть голову.

Я быстро моюсь, сушу волосы и выбегаю из ванной. Достая из комода нижнее бельё, надеваю и вдруг в дверь начинает кто-то колотиться и дергать ручку.

Мы с Агатой испуганно переглядываемся. Я пулей лечу к шкафу и надеваю форму: короткую клетчатую юбку, блузку и бордовый пиджак с эмблемой академии.

— Парфёнова, открывай, — раздаётся за дверью.

— Кто это? — смотрю на подругу.

— Клим, — шепчет она, стоя у двери.

Захлопываю дверцу шкафа. В два шага оказываюсь у двери, проворачиваю замок и распахиываю её.

— Её нет!

— Где она? — блондинчик с зелеными глазами хватается за дверь и пытается открыть её шире.

— Ушла на пару.

— Если бы она пошла на пару, я бы её встретил, — он резко толкает дверь, и я вместе с ней отлетаю в сторону.

Агата, быстро сообразив, прячется за дверью.

— Кампус большой, вы могли разминуться, — открываю дверь шире, загораживая спиной Агату.

Клим оглядывает комнату, не обнаружив никого, он резко разворачивается и уходит со словами: — Коза, сказал же, чтобы ровно в восемь была у меня.

Одним движением хлопываю дверь и смотрю на улыбающуюся подругу.

— Что? — спрашиваю, не понимая, почему она такая довольная.

— А прикольно их обламывать, — пожимает она плечами, отталкиваясь от стены.

— Агата, может, мне с ним поговорить, чтобы он от тебя отстал?

— Он не отстанет, — тяжело вздыхает. — Поэтому не создавай себе больше проблем, — она подхватывает рюкзак и выходит из комнаты.

Я быстро собираю свой рюкзак, закидываю его на плечо и выхожу из комнаты, закрывая дверь на ключ. Агата, прислонившись к стене, ждёт меня, устремив взгляд в пустоту.

— Пошли, — киваю ей.

Мы быстрым шагом идём к переходу между жилым и учебным корпусом, смешиваясь с толпой студентов и преподавателей.

— Сегодня обещали хорошую погоду. Можно будет пообедать на улице, — Агата кивает на столики на аллее кампуса.

— Так и сделаем, — подхватываю её под локоть и тяну вперёд.

Влетаем в учебный корпус и чуть не сбиваемся с шага, замечая компанию мажорной элиты во главе с королём преисподней. На его плече висит блондинистая девица с длинными розовыми ногтями, которыми она скребёт по рубашке на груди Аида.

Он, словно почувствовав мой взгляд, медленно поворачивает голову в нашу сторону. Взгляд равнодушно скользит по мне, словно это не он со своими друзьями вчера бегал за мной по всему кампусу из-за моей унижительной пощёчины.

— Почему третий курс с нами в одном здании? — шепчет Агата.

— Второй блок на ремонте.

— Блин, — расстраивается Агата. — Я надеялась, что хотя бы в учебное время не буду его видеть.

Мы заходим в аудиторию и занимаем места в первом ряду. Достая из рюкзака ноутбук, открываю его, а в голове не даёт покоя одна мысль: Аид не из тех, кто прощает подобное. Эта мысль пугает. Нужно быть бдительнее.

На большой перемене мы спускаемся в столовую. Получив свой бесплатный обед, выходим на улицу и занимаем один из свободных столов.

Не успев сегодня позавтракать, накидываемся с Агатой на макароны с курицей, как с голодного края. Посмеиваемся друг над другом и не обращаем внимания на косые взгляды.

— Романова, — к нам подходит староста. — Ты не все учебники получила. Зайди после пар в библиотеку.

— Все, — отвечаю я.

— Мне сказали, что не все.

— Мы вместе получали, — вмешивается Агата. — Почему меня тогда не вызывают?

— Я не знаю, — фыркает она. — Сходи с ней и узнай, почему.

Рыжая мегера разворачивается и, словно по подиуму, уходит к другому столику.

— Стерва, — шепчет Агата.

— Не обращай внимания, таких, как она, здесь девяносто процентов. И нам придётся как-то с ними уживаться, если мы хотим закончить именно эту академию.

— Я, если честно, уже начинаю сомневаться, что хочу этого.

— Так, не вешать нос! — протягиваю руку и сжимаю её ладонь. — Побежали на лекцию.

Относим подносы в специально выделенное место, оставляем их и бежим в аудиторию. Весь день проходит без каких-либо происшествий, что невероятно радует.

— Ты в комнату? — спрашиваю Агату, выходя из аудитории.

— А ты?

— В библиотеку.

— А точно, — трёт лоб. — Пойдём, я с тобой схожу, а потом пойдём в комнату. Вместе подготовимся к завтрашним лекциям.

— Хорошо. Через улицу пройдем или по переходу?

— Давай через улицу.

Агата подхватывает меня под руку, и мы выходим из учебного корпуса. Медленно идём по аллее к зданию библиотеки, подставляя лицо лучам солнца.

— Ты в выходные поедешь домой?

— Нет. Я останусь в общежитии, — отвечаю, сворачивая за угол.

— Поч...

Договорить Агата не успевает, так как мы натываемся на дружков Аида, которые явно здесь стоят не просто так.

— Убогая. Тебя-то мы и ждём! — мой вчерашний похититель делает шаг вперёд. Мы с Агатой — два назад, но, упершись в какое-то препятствие, резко разворачиваемся, натываясь на смазливую рожу.

Внезапно меня хватают со спины, зажимая рот. Я брыкаюсь, пытаюсь вырваться. Агата делает рывок в мою сторону, но бугай её перехватывает и утаскивает за угол.

Двое других парней хватают меня за лодыжки и связывают их верёвкой, затем руки за спиной и заклеивают рот скотчем. Несут меня к машине и кидают в багажник чёрного внедорожника.

— Сегодня мы точно повеселимся, — скаюсь, эти уроды захлопывают дверь.

Глава 3. Ева

Моё тело подпрыгивает на каждой кочке. При поворотах меня швыряет из стороны в сторону. Связанные руки и ноги не позволяют подняться и посмотреть, куда меня везут. Громкая музыка заглушает мои бесполезные мычания.

Ублюдки, которым всё сходит с рук.

Несмотря на мой воинственный настрой, который я изо всех сил пытаюсь держать, всё дрожит от липкого, животного страха. Их издевательства могут зайти слишком далеко, и всё может закончиться плачевно. Но они об этом не думают. Они знают, что их предки отмажут и заплатят кому нужно, чтобы заткнуть всем рты. Они уверены в своей безнаказанности, поэтому и творят, что хотят.

От резкого торможения меня бросает вперёд, и я со всего маху ударяюсь лбом о металлическую перегородку, отделяющую багажник от салона. Тупой, растекающийся болью удар отдаётся в висках. Чёрт! Точно будет шишка. Или хуже — сотрясение. Я шиплю сквозь зубы, пытаюсь сфокусировать зрение на тёмных пятнах, плавающих перед глазами.

Внезапно мои бёдра обдаёт прохладный воздух, и я с ужасом осознаю, что юбка задралась, открывая ноги почти до самого верха. Я пытаюсь повернуться, одёрнуть ткань, но беспомощно елозя на месте, лишь сильнее натираю кожу верёвками.

— Ух ты, её хлопковые трусики соблазнительно сидят на заднице, — доносится до моих ушей басистый голос одного из мажоров.

Рывок, и меня вытаскивают на улицу, ставя на ноги. Развязывают только ноги и тащат в глубь леса.

Что задумали эти придурки?

От страха в голову лезут самые дурные мысли: что меня решили прикопать где-то в этой глуши в наказание за ту унижительную пощёчину их главарю.

Мысленно я проклинаю свою самоуверенность. Когда я замахивалась, я не думала, что эти отморозки зайдут слишком далеко. Я надеялась, что их цель — лишь поиздеваться над теми, кто ниже их по социальной лестнице, что им нужно просто самоутвердиться за счёт слабых. Как же я ошибалась.

Довести себя до обморочного состояния я не успеваю. Впереди, между сосен, замечаю поляну, на которой оборудована площадка с препятствиями. Прямо как на военной базе. Деревянные конструкции, шины, верёвки и всё это в грязи. Сразу вспоминаю фильм «Солдат Джейн», который так любили смотреть мои родители. Надеюсь, на лысо брить не будут. Но кто знает, на что способна фантазия этих богатых выроdkов.

У линии старта нервно переминаются с ноги на ноги три девчонки. Они оглядываются по сторонам, не зная, чего ждать. Сбоку от них, на толстых брёвнах, расположились приспешники Аида. Они не сводят с девчонок глаз, обсуждают каждую, громко отпуская комментарии и делая ставки. Сам «король преисподней» стоит чуть поодаль и внимательно наблюдает, как меня тащат к старту. Я встречаюсь с ним взглядом и посылаю ему всю ненависть, что кипит внутри, молча обещая собственноручно отправить его обратно в ад. Но Аид лишь едва заметно дёргает уголок губ.

Меня ставят рядом с девочками, грубо развязывают руки и одним резким движением срывают скотч со рта. Твою мать, а это чертовски больно! Кожа на губах и щеках горит, словно её драли наждачкой.

— Где Агата? — кричу я, обращаясь к придуркам, которые меня притащили. В горле пересохло, голос срывается на хрип.

— Не твоё дело.

— Куда этот бугай её утащил?

— Рот закрой, — рывкает один из них. — Лучше о себе думай.

Краем глаза замечаю, как Клим подсакивает с бревна, достаёт из кармана телефон и, набирая кого-то, отходит в сторону. Он смачно выругивается и уходит к припаркованным машинам, скрываясь среди деревьев.

Аид провожает его недовольным взглядом, затем лениво поворачивается к нам. Он смотрит на нас так, словно мы мусор под его ногами. Встретившись со мной взглядом, его губы дёргаются в оскале, обнажая острые клыки.

— Вы все нарушили устоявшиеся правила академии, — поднимаясь с бревна начинает один из дружков Аида. Филл, вроде так его называли друзья. Вальяжно шагает в нашу сторону. — Решили, что вам сойдёт это с рук? — улыбаясь, разводит руки в стороны, чуть наклоняясь вперёд.

— Клоун, — еле слышно шепчу я, но замечаю, как Аид прищуривается и, едва заметно склоняет голову набок, явно услышав мои слова.

— Не сойдёт, — продолжает Филл, его голос становится жёстче. — Поэтому сейчас вы будете бороться за место под одним из нас. — Он поворачивается и обводит рукой сидящих на брёвнах приятелей. — Первое место — покровительство одного из нас. Второе — свидание с одним из нас. Третье — одна ночь с самым крутым парнем академии. А проигравший... — он делает паузу, обводя нас насмешливым взглядом, — будет исполнять желания до конца учебного года.

Озабоченные придурки. Их фантазия работает только в одном направлении, и это даже не смешно.

— Мы же замёрзнем в этой грязи! — пискляво возмущается одна из девочек.

— А вы быстрее двигайтесь, — Филл бежит на месте, смешно размахивая руками, пародируя бегуна, потом резко останавливается и становится серьёзным. — Добро пожаловать на Голодные игры. И пусть удача всегда будет на вашей стороне! — Он поднимает руку и резко опускает её, словно даёт отмашку. — ПОГНАЛИ!

В тишине леса раздаётся громкий хлопок — то ли выстрел, то ли удар по металлу. Девочки бросаются вперёд, словно ошпаренные, прыгая из шины в шину, увязая в липкой грязи, которая противно чавкает под ногами.

Я не двигаюсь. Стою, ошарашенно наблюдая, как под громкие свисты и улюлюканье парней они хватаются за канаты, пытаются перелезть через деревянные стены. Мои брови ползут вверх, когда одна из них, вместо того чтобы помочь, толкает другую локтем в бок. Та слетает с перекладины и падает лицом в грязь.

Мажоры срываются в дикий хохот, аплодируя.

— Так-так, — привлекает моё внимание Филл. — Проигравший у нас уже есть. И какое же будет первое желание?

Аид поднимается с бревна и направляется ко мне. Он расстёгивает ремень, медленно вытаскивает его из шлёвок и складывает пополам. Я замираю, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь.

— Для начала мы накажем её, чтобы больше не смела игнорировать наши правила. Задирай свою юбку, — он ударяет ремнём по своей ладони, — и подставляй задницу.

Холодное выражение его лица говорит о том, что он не шутит. Он намерен проучить меня.

— Больные убудки, — выкрикиваю я и срываюсь с места в глубь леса.

Глава 4. Ева

Бегу, перепрыгивая через ветки и пеньки, стараясь затеряться между деревьями, наплевав на то, что уже начинает темнеть и я могу просто заблудиться в лесу. Мои лёгкие горят, каждый вдох режет грудь, в боку невыносимо колет, но я не сбавляю темп. Ни за что не позволю себя унижать.

Деревья мелькают перед глазами. За спиной слышу шорох кустов и тяжёлые шаги.

— От меня не убежишь, — кричит Аид, и его голос звучит где-то поблизости.

Выбегаю на просёлок, поскользываюсь, но мне удаётся удержать равновесие. Мои белые кеды вязнут в грязи. Вчерашний дождь превратил накатанные колеи в месиво из грязи и глины.

Я оглядываюсь, судорожно соображая, в какую сторону мне бежать.

Я точно заблужусь.

Внезапно из леса в десяти метрах от меня вылетает Аид. Злой как чёрт.

У меня остаётся только один вариант. Я разворачиваюсь и бегу вперёд, утопая в лужах. Холодная вода заливается в кеды, но мне плевать, сейчас я хочу убежать подальше от этого придурка.

— Стой, дура! — летит мне в спину.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, как Аид срывается с места и бежит за мной. Он меня точно утопит в луже.

Только собираюсь свернуть вправо, чтобы снова затеряться за деревьями, как меня хватают за локоть и дёргают назад, разворачивая.

Инстинктивно выставляю руки перед собой, упираюсь ладонями в грудь Аида. Теперь я чувствую, как тяжело и учащённо бьётся его сердце. И в этот самый момент его нога скользит вперёд, и он заваливается назад, утягивая меня за собой.

— Чёрт! — сдавленно кричит он, приземляясь на спину. Я шлёпаюсь прямо на него, и это смягчает моё падение. Аид морщится, из его груди вырывается глухой стон, но мне его ни капли не жалко. Так ему и надо. Получай, гад.

Пока из его глаз сыплются искры, а мозги встают на место, хотя они вряд ли у него есть, я резко приподнимаюсь, собираясь вскочить и снова бежать.

Но не тут-то было.

— Куда собралась? — одним резким движением его рука обхватывает мою талию. Я не успеваю даже вздохнуть, как он меняет нас местами.

Я с силой зажмуриваюсь, чувствуя, как холодная каша забирается под ворот пиджака, а моя спина и волосы вязнут в грязи.

— Отпусти меня, придурок! — яростно луплю его кулаками по груди. Мои удары даже не заставляют его вздрогнуть.

— Не хотела по-хорошему, — его голос переходит в низкое рычание, — значит, будет по-плохому. — Он нависает сверху, и я чувствую его дыхание на своём лице.

Я открываю глаза, встречаясь с его серо-зеленым взглядом с золотистыми крапинками. А я думала, у него тёмный цвет глаз, это, наверное, из-за его мрачного вида мне так казалось. Боже, о чём я вообще сейчас думаю?

В реальность меня возвращает хлёсткий шлепок по щеке. Аид зачерпывает грязь ладонью и размазывает её по моему лицу.

— Совсем больной? — выкрикиваю я, но в долгу не остаюсь. Загребаю полную горсть густой, тяжёлой грязи и со всей силы впечатываю её ему прямо в лицо. Капли летят на его волосы, на шею, на плечи. От неожиданности он ослабляет хватку, и я всем телом толкаю его в сторону. Не удержав равновесия на скользкой поверхности, он заваливается на бок, а я отползаю, пытаюсь подняться на ноги.

— Сука, — цедит сквозь зубы, однако не теряя времени, хватая меня за лодыжку, и я снова падаю в грязь.

И тут начинается настоящая бойня. Я брыкаюсь, пинаю его, а когда он пытается навалиться на меня всем корпусом, кусаю его за предплечье. Аид рычит, ругается, пытается скрутить мои руки, но скользкая масса не даёт ему этой возможности, я постоянно выскальзываю из его рук.

— Да отвали ты от меня! — уже со смешком выдаю я, пиная его ногой в бок. Силы на исходе, и уже нет никакого желания бороться. Вся злость куда-то ушла, осталось только веселье и истерика от усталости.

— Ненормальная, — бросает он в меня комок грязи. Я успеваю увернуться. Но ответку ему не приходится долго ждать, она прилетает ему прямо в лоб.

— Прямо в яблочко, — хохочу я, сидя в луже.

К моему огромному изумлению, Аид не взрывается. Он просто спокойно, даже как-то устало, поднимается на ноги. Одним резким движением стягивает с себя грязную футболку. Скомкав её, вытирает лицо, насколько это вообще возможно, учитывая, что сама футболка сплошное месиво из грязи.

Он стоит передо мной полуголый, в одних джинсах, демонстрируя рельеф своей атлетической фигуры, перепачканный с ног до головы. Но даже в таком виде он слишком хорош, засранец.

Я тоже поднимаюсь на ноги, не сводя с него взгляда, боясь, что его спокойствие напускное и он может напасть в любую секунду. Найдя равновесие на скользкой поверхности, стягиваю пиджак и с ужасом рассматриваю его.

— Это моя единственная форма! Как я пойду завтра на занятия?

— Не мои проблемы!

— Не твои? Ты виноват во всём этом!

— Не нужно было убегать!

— И позволить тебе отходить меня по заднице?

— Тогда бы твоя форма была чистой.

Я оглядываюсь по сторонам. Уже стемнело.

— В какой стороне дорога?

— Там, — он коротко кивает себе за спину. И, обойдя меня, направляется в другую сторону.

— А ты куда? Ты же не оставишь меня здесь одну?

— Именно это я и делаю, — отвечает не оборачиваясь.

— АИД! — кричу я, топая ногой по грязи, и она брызжет во все стороны. — Не будь сволочью хоть раз в жизни!

Он резко останавливается. Медленно поворачивает голову и бросает через плечо:

— Иди за мной.

Что? Так просто? Ого! Надо запомнить. Быстро семеню за ним, стараясь не отстать.

Мы добираемся до припаркованных машин, которые освещают друг друга фарами. Парни, прислонившись к капоту своих машин, висают, увидев нас.

— Ого, она что, тебя уделала? — ржёт Филл.

— Заткнись!

— Где девочки? — спрашиваю я, осматриваясь, не видя их.

— В багажнике, — Филл небрежно кивает на внедорожник, на котором меня сюда привезли. — Плачут, просят прощения, хотят на волю. Ну, мы решили, пусть посидят, подумают о своём грязном поведении, — строит плаксивую рожу.

— Придурки, — цежу сквозь зубы.

— Что ты сказала? — наступает на меня этот клоун.

— Филл, — останавливает его Аид.

— Не попадайся мне на глаза, убогая! — тычет в меня пальцем и уходит к своей машине.

— Мне теперь придётся химчистку делать из-за этих грязных куриц.

— Ты со мной едешь, — внезапно говорит Аид.

Пока я соображаю, с чего вдруг такая привилегия, парни прыгают в свои тачки и уезжают.

— Ладно, — растерянно произношу я, направляясь к двери его чёрного танка.

— В таком виде ты не сядешь в мой Хаммер, — Аид сбрасывает с ног кроссовки и стягивает джинсы. — Раздевайся.

Глава 5. Ева

Аид, не глядя на меня, убирает свои грязные вещи в багажник. Я стою в двух шагах, пытаюсь не пялиться на его фигуру. Но как тут не пялиться? Он сложен как бог, сошедший с Олимпа, только в этом случае поднявшийся из преисподней. Если бы он не был таким уродом, я бы даже искренне восхитилась им.

Отворачиваюсь и начинаю раздеваться. Снимаю юбку, блузку и стягиваю с ног рваные колготки, которые после всей возни в лесу превратились в жалкое подобие дуршлага. Остаюсь в одном хлопковом белье. Кеды на босую ногу обуваю обратно.

— Давай сюда, — Аид выдёргивает мою грязную одежду из рук, скользя быстрым взглядом по моей фигуре, задерживаясь на моей груди. Обнимаю себя руками, пытаюсь прикрыться. — Ничего особенного нет, можешь не прятать её.

Прикусываю язык, чтобы ничего в ответ не ляпнуть. Сейчас я не в том положении, чтобы нарываться ещё больше. Хватит того, что я не подумав побежала в лес. Я же могла заблудиться, и не факт, что меня бы потом нашли.

Он швыряет мою одежду в багажник и захлопывает дверь. Не оглядываясь, обходит машину и садится за руль. Я выдыхаю и иду к пассажирской двери. Хватаюсь за ручку и дёргаю её на себя, но дверь не поддаётся. Дёргаю сильнее, но бесполезно. Стекло начинает опускаться с тихим жужжанием, и я вижу лицо Аида: тёмные глаза, жёсткая линия губ, лёгкая, почти звериная усмешка.

— Вот теперь я настоящая сволочь, — произносит он, глядя прямо мне в глаза. В его голосе нет сожаления. Только удовлетворение.

— Ты не можешь меня здесь оставить? — Голос дрожит, но я стараюсь говорить ровно. Не показывать слабость. Не доставлю ему такого удовольствия.

— Могу, — скалится он.

— Как я доберусь до кампуса?

— Видишь огни? — кивает за мою спину, не отрывая взгляда от меня. — Это наш кампус. Тебе всего лишь нужно пройти через кусты.

— Не ври! Мы ехали сюда минут двадцать! — во мне вскипает злость, и это лучше, чем страх. Я луплю ладонью по двери его машины и хватаюсь пальцами за опущенное стекло. Он не реагирует, наблюдает с интересом, что я буду делать дальше.

— На машине — да. Пешком — пять минут, — он пожимает плечом с ленцой. — Ну, может, семь, если будешь постоянно оборачиваться.

И прежде чем я успеваю выдать ему всё, что о нём думаю, стекло поднимается вверх. Я убираю руки, чтобы не прищемило пальцы. Машина срывается с места так резко, что грязь из-под колёс летит мне в лицо.

— Урод! — кричу так, что уши закладывает, и вскидываю руку, показывая фак вслед удаляющейся машине. Через пару секунд она исчезает за поворотом, оставляя меня одну посреди леса.

Каждый шорох листьев кажется устрашающим, будто кто-то за мной следит. Я испуганно оглядываюсь. Никого не видно. Срываюсь с места и бегу. Ветки хлещут по голым ногам, но я не чувствую боли. Я хочу только одного: добраться до кампуса.

Вылетаю из кустов прямо перед зданием, откуда меня уволокли. Запыхавшаяся, грязная, с трясущимися руками, прислоняюсь к кирпичной стене, пытаюсь отдышаться. На территории кампуса темно, но кое-где в окнах горит свет.

— И как мне незаметно пробраться в комнату? — шепчу я, выглядывая из-за угла. — Ева, думай!

Ничего. Абсолютно ничего не приходит в голову. Но память услужливо подсовывает картинки: лицо Аида, его усмешка, его глаза. И то, как он меня оставил. Как куклу. Как мусор.

— Ты ещё пожалеешь об этом!

Чёрт! Ничего не приходит в голову. Придётся сидеть здесь, пока все не пойдут спать. Сажусь на корточки, обнимая себя руками. Слезы подступают к глазам, но я усердно не даю им пролиться. Я не буду плакать из-за этого ублюдка.

— Ева!

Я вздрагиваю всем телом и подскакиваю.

— Агата! — выдыхаю с облегчением и тут же испуганно смотрю на неё. — Ты что здесь делаешь?

Агата стоит в двух шагах, округлив глаза, рассматривает меня. Взгляд её мечется от моих грязных ног к грязным, спутанным волосам, к белью, на котором налипли листья.

— Что произошло? — шепчет она, снимая с себя кардиган. — Ты как... Господи, Ева!

Она накидывает тёплую вязаную кофту мне на плечи, и я укутываюсь в неё, как в кокон.

— Я опять не сделала, как было велено.

— Вот уроды, — Агата поджимает губы. — Идём.

— А ты? Как ты здесь оказалась? — я кутаюсь в кардиган.

— Я потеряла телефон. Пошла его искать туда, где меня схватил Кирилл.

— Кирилл? — переспрашиваю я, шагая рядом с ней вдоль стены. Мы стараемся держаться в тени.

— Так назвал его Клим, когда приехал за мной, — пожимает плечами.

Вот куда он сорвался. Взбесился, что тронули его игрушку.

До комнаты добираемся перебежками, но всё равно я чувствую на себе любопытные взгляды и смешки. Грязные кеды и волосы не спрячешь.

В комнате я первым делом иду в душ. Тру кожу мочалкой до красноты, пытаюсь смыть не только грязь, но и сальный взгляд Аида.

Агата уже застелила мне кровать. Поблагодарив её, я падаю на постель без сил.

Тело ноет. Кажется, будто я пробежала марафон. Глаза закрываются, и я мгновенно проваливаюсь в чёрную дыру.

Утром я подскакиваю с тяжёлой головой под сигнал будильника. Тычу пальцем в экран телефона, и звук обрывается. Поворачиваю голову к Агате. Она спит, обняв подушку, и тихо посапывает.

Кое-как поднимаюсь с кровати и, еле волоча ноги, иду умываться. Чищу зубы, смотрю на себя в зеркало. Какой ужас. Под глазами круги, на шее синяк. Синяк? Откуда? Не помню. Наверное, веткой зацепило.

И тут меня словно током ударяет, я дёргаюсь, а затем замираю со щёткой во рту и, глядя в своё отражение, спрашиваю саму себя:

— Где мой рюкзак?

Вот чёрт!

Я оставила его в машине тех придурков, которые меня увезли от библиотеки. Там всё! Ноутбук, конспекты, зарядка, кошелёк, ключи от комнаты.

И форма моя осталась у Аида.

Блин.

Я выдыхаю и упираюсь лбом в зеркало. Вот и что теперь делать?

Остаётся только одно. Других вариантов нет.

Глава 6. Ева

Хватаю из шкафа вешалку с удлинённой толстовкой до середины бедра и на ходу надеваю.

— Агата, — трясую её за плечо. — У Клима какой номер комнаты?

Она распахивает свои карие глаза и непонимающе смотрит на меня.

— Что? — садится в кровати и машинально приглаживает длинные чёрные волосы.

Я уже на взводе. Внутри всё кипит. Мой ноутбук. Деньги. Все документы. Всё у дружков Аида.

— Клим в какой комнате живёт?

— Зачем тебе? — она хмурится.

— Мне нужно узнать, в какой комнате живёт Аид. У него мои вещи.

— Они все живут на пятом этаже. В отдельных комнатах.

— Ты знаешь, в какой комнате Аид?

— Нет, — мотает головой. — Клим в сто двадцать второй.

— Спасибо! — бросаю уже на ходу, хватаясь за дверную ручку.

— С тобой сходить? — доносится мне вслед. В голосе подруги — искренняя готовность встать и пойти со мной.

— Не надо, — машу рукой и вылетаю в коридор.

Я слишком зла, чтобы думать о последствиях. Если он откажется отдавать мне вещи, я точно закачу скандал. И всё расскажу ректору. Пусть знает, что тут творится. Просто так я это не оставлю.

В коридоре пусто. Все ещё спят. Время шесть часов утра. Вместо того чтобы подготовиться к паре, я должна искать свои вещи по всему кампусу. Бегу к лестнице и поднимаюсь на пятый этаж. Сердце сжимается от неизвестности.

Выглядываю из-за угла. В коридоре лишь уборщица, которая протирает и так идеально чистый паркет.

Ладно. Других вариантов у меня нет. Мне нужен мой рюкзак, в котором ноутбук и деньги. Я не могу позволить себе просто так разбрасываться вещами. И уж тем более позволить этому наглому типу думать, что я сдалась.

Решительно шагаю по коридору, выискивая глазами нужную комнату. Вот она. Сто двадцать вторая.

Стучусь.

Тишина.

Никто не открывает.

Стучусь более настойчиво. Костяшками пальцев отбиваю ритм своего сердца — быстрый, нервный, сбитый.

— Кто в такую рань припёрся? — раздаётся хриплый, сонный голос.

Дверь распахивается, и на пороге стоит сонный блондинчик, с взлохмаченными волосами и следами от подушки на щеке. Он шурится, пытаюсь понять, кто стоит перед ним, и вдруг просыпается окончательно. Его брови ползут вверх, а губы растягиваются в ленивой усмешке.

— Дверью не ошиблась? — усмехается он, опираясь плечом о косяк.

— Где комната Аида?

— Напротив, — кивает за мою спину. — Что вчера так понравилось, что решила продолжить знакомство?

Я игнорирую его шутку. Разворачиваюсь, делаю пару шагов и барабаню в другую дверь. Дёргаю за ручку. Закрыто. Но стучать не прекращаю. Яростно колочу по дверному полотну кулаками, пока с той стороны не раздаётся рык:

— Придушу!

И в следующую секунду дверь распахивается, являя моему взору злущего Аида.

Глаза сами начинают гулять по его обнажённому, татуированному торсу. Чёрные линии узоров обвивают его плечи, спускаются к груди, исчезают под резинкой боксёров. Я с трудом заставляю себя отвести взгляд и посмотреть ему в глаза.

— Где мои вещи и у кого мой рюкзак?

— Всё на помойке. Где и место всем убогим!

Он захлопывает дверь прямо перед моим носом.

Открываю и закрываю рот от шока и предательской паники.

Мой ноутбук.

Ушлёпок!

В панике кручу головой и натыкаюсь на насмешливый взгляд Клима, который так и стоит в проёме своей комнаты, наблюдая за представлением.

И тут мой взгляд падает на ведро. Рядом с уборщицей, которая всё так же продолжает водить шваброй по паркету.

Я не думаю. Я действую.

Подбегаю к ней, хватаю ведро. Разворачиваюсь и, не обращая внимания на удивлённый возглас женщины, распахиваю дверь в комнату Аида. Влетаю внутрь, подхватываю ведро за дно и выливаю всё содержимое прямо на лежащего в кровати хозяина комнаты.

— С добрым утром, гавнюк!

Но тут ждёт меня сюрприз.

По комнате разносится пронзительный женский визг. Такой, что закладывает уши.

Я замираю.

Рядом с Аидом, на соседней подушке, лежит та самая блондинка с длинными розовыми ногтями. Она трогает свои мокрые пряди, тяжело дышит, и её глаза готовы испепелить меня на месте. Тушь потекла по лицу, делая её похожей на разъярённую панду.

Аид вытирает ладонью лицо, стряхивает воду и медленно переводит взгляд на меня.

— Тебе конец, убогая, — рычит он, и в его голосе нет ни капли шуток.

Он приподнимается с кровати, и я понимаю, что, если он меня догонит, мне конец.

Развернувшись на пятках, я бегу к двери. Но меня хватают за капюшон толстовки и дёргают назад. Я пытаюсь вывернуться, дёргаюсь, и в какой-то момент мне это удаётся. Выскальзываю не только из его рук, но и из самой толстовки.

Остаюсь абсолютно голой. Лишь в одних трусиках.

Резко прикрываю рукой грудь. Кровь приливает к лицу, щёки горят от стыда так, что кажется, я сейчас вспыхну.

Челюсти Аида напрягаются. Ноздри раздуваются, а зрачки расширяются, поглощая полностью радужную оболочку.

— Какой отвратительный шрам, — доносится до меня голос блондинки, полный брезгливости. Она, морщась, встаёт с кровати, заворачиваясь в простыню.

Аид медленно переводит взгляд с моей груди ниже, отыскивая мой шрам. Его лоб чуть хмурится, и я замечаю, как в его глазах мелькает что-то странное. Но мне плевать, что это. Жалость? Отвращение? Мне всё равно.

— Дай сюда! — выдёргиваю из его рук толстовку, пока он в ступоре от увиденного.

Прижимаю её к себе, прикрываясь, готовая провалиться сквозь землю. Горло сжимается от подступающих слёз, но я не позволяю им пролиться. Не здесь. Не перед ним.

Но вдруг за спиной раздаётся знакомый, холодный голос:

— Что тут опять происходит?

Обернувшись, я вижу коменданта.

— Мы... — начинаю я, но голос срывается.

— Молчи, — обрывает она меня. — Все трое в кабинет ректора. Живо.

Глава 7. Ева

Мы втроём сидим в кабинете ректора в кожаных креслах напротив коричневого дубового стола, за которым расположился Сергей Петрович. Сложив руки в замок, он препарирует нас взглядом, будто пытается добраться до наших мыслей и узнать всю правду.

— Аид, что опять произошло в твоей комнате?

Аид никак не реагирует. Ноль эмоций. Ему плевать, что к нему обращается ректор и что тут вообще происходит. Он сидит, уткнувшись в телефон, и лениво скользит пальцем по экрану. Он даже не поднимает голову.

— Сергей Петрович, — начинает разъярённая панда. — Эта ненормальная влетела в комнату и из ведра облила нас грязной водой! Потом разделась и давай демонстрировать своё убогое тело Аиду. Она, видимо, от ревности совсем с ума сошла!

Вот стерва! У неё получается настолько убедительно, что я сама верю её словам.

— Маргарита, а Вы что делали в комнате Аида?

— Он мой парень, — невозмутимо отвечает она, словно это всё объясняет.

— Ева, а Вы что скажете в своё оправдание?

Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю. Часть сказанного — правда. Да, я влетела в комнату. Да, я облила их водой. А что ещё мне оставалось? Мне нужно было вернуть свои вещи, которые у меня забрал Аид и его дружки.

— Это не правда, — начинаю я, пытаюсь сообразить, с чего начать свой рассказ про привилегированных студентов, которые творят полную дичь.

— Что именно? — уточняет ректор. — То, что Вы облили их водой или то, что стояли голышом в чужой комнате?

— Всё было не совсем так. Я сама не раздевалась. Это вышло случайно.

— Вышло случайно, — повторяет Сергей Петрович. Он снимает очки и устало трёт переносицу. — Такое поведение непозволительно в нашей академии. Вы ещё недели не учитесь, а уже такое вытворяете. На комиссии мы рассмотрим вопрос о вашем исключении.

— Но я не виновата! Дружки Аида меня похитили и отвезли в лес, а потом он...

— Тихо! — громыкает ректор. — Какая бы у Вас ни была причина, Вы не можете врываться в чужую комнату и кого бы то ни было обливать водой.

— Что? — ошарашенно хлопаю глазами. Меня захлёстывает чувство несправедливости, и я начинаю рассказывать всё как было: — Они меня и ещё трёх девочек похитили и отвезли в лес, чтобы поиздеваться.

— У Вас есть доказательства? — ректор смотрит на меня с прищуром.

— Девочки могут подтвердить мои слова.

— Хорошо. Как их фамилии?

Я открываю рот и... замираю. Фамилии. Их лица я помню, но не имена. Паника начинает закручиваться в животе тугим узлом.

— Я не знаю. Но я могу найти их и привести к Вам.

— И подговорить, — довольно шипит Маргарита.

— Одну девочку звали Смирнова Люба! — выпаливаю я, надеясь, что память меня не подводит. Мы с ней вместе получали учебники, я видела, как она расписывалась. — Вызовите её.

Взглянув на Аида, ректор нехотя берёт телефон и просит секретаря найти студентку. Я опускаюсь обратно в кресло. Напряжение немного отпускает, и я чувствую, как мышцы начинают дрожать от перенапряжения. Сейчас этот гавнюк получит по заслугам.

Спустя минут десять Аид убирает телефон в карман джинсов. Он поднимается с кресла и подходит к окну, которое расположено за спиной ректора. Оттуда открывается вид на внут-

ренный двор кампуса. Когда дверь кабинета открывается, он разворачивается и исподлобья смотрит на зашедших.

— Спасибо, Марина Константиновна, — благодарит ректор помощницу. — Смирнова, присаживайтесь, — указывает на кресло, в котором сидел Аид.

Люда опускается в кресло рядом со мной и бросает на меня быстрый взгляд. Я в знак поддержки улыбаюсь ей, стараясь придать уверенности и что бояться ей нечего. Но в ответ она лишь испуганно переводит взгляд на Аида, и её лицо бледнеет.

— Люба, Ева утверждает, что вчера Вас, её и ещё несколько девочек друзья Аида отвезли в лес, чтобы поиздеваться над вами. Это правда?

Люба опускает глаза в пол. Молчит долгую, мучительную секунду. А затем начинает говорить — быстро, монотонно, словно заученную мантру, которую повторяла всю ночь, чтобы та отскакивала от зубов:

— Я вчера вечером была в своей комнате и готовилась к паре. Никуда не выходила. Ничего не видела.

— Это неправда! — вскрикиваю я с кресла. — Ты же была там!

— Хватит! — ректор ударяет ладонью по столу. — Смирнова, Вы свободны.

Люба пулей вылетает из кабинета, даже не взглянув на меня. Аид с едва заметным торжествующим выражением лица возвращается в кресло. Он снова в нём разваливается, достаёт телефон и утыкается в экран.

Всё ясно. Что бы я ни сказала в своё оправдание, ректору плевать. Это академия не моего отца. Здесь другие законы, и по этим законам я — всего лишь никчёмная стипендиатка, которую можно вышвырнуть, не моргнув глазом.

— Ева, нехорошо обвинять людей без доказательств. Чтобы привлечь внимание понравившегося парня, не нужно опускаться до унижительных поступков.

— Вы ошибаетесь!

— В чём, Ева?

— Он, — указываю указательным пальцем на Аида, который даже не поднимает головы, — мне не нравится! И я не пытаюсь привлечь его внимание. Я только буду рада, если он и его дружки перестанут на меня обращать внимание. Я сюда поступила учиться, а не раздвигать ноги, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание.

Фух. Я высказалась.

Аид на мгновение замирает, но продолжает смотреть в телефон. Маргарита прожигает меня взглядом, полным ненависти. Она готова вцепиться в меня и повыдирать все волосы на моей голове. Плевать.

— Я могу идти? — спрашиваю я, не видя больше смысла оставаться здесь.

— Идите, — невозмутимо отвечает ректор, но я успеваю увидеть в его взгляде жалость. — Вам сообщат о решении комиссии.

Перед тем как подняться, я наклоняюсь к уху Аида и шепчу так тихо, чтобы услышал только он:

— Трусливый говнюк.

Он вздрагивает всего на мгновение. Его челюсть напрягается, а затем он медленно поворачивает голову и всем своим взглядом обещает, что это не сойдёт мне с рук.

Глава 8. Ева

«Вот и продержалась». Обидно до слёз, глаза жжёт, но я не даю им пролиться. Из-за этих уроков я теперь не получу хорошее образование. Только в этой академии, такая усиленная и обширная программа. Только у них после обучения можно получить два диплома.

Никогда не думала, что слухи могут быть настолько правдоподобными. Всегда делала скидку на личную неприязнь человека, на искажённое восприятие, на эмоции. Никогда не торопилась с выводами, пока лично не убеждалась в том или ином факте.

Убедилась. Молодец. Теперь не ной.

— Что случилось? — с порога налетает Агата, едва я переступаю порог нашей комнаты. — Уже все сплетничают, что вас с Адамом вызвали к ректору.

— Так и есть, — забираюсь на кровать с ногами и утыкаюсь лицом в колени.

— Что сказал ректор?

— Меня скорее всего отчислят, — выдыхаю я, поднимая голову.

— За что? — искренне удивляется Агата, непонимающе глядя на меня.

— Я облила Аида и Маргариту грязной водой.

— Правда? — широко улыбается она, но сразу берёт себя в руки. — Прости, — тихо произносит и продолжает свой допрос: — За это не исключают!

— Таких, как мы — да, — горько усмехаюсь я. — Для них мы — мусор, который можно вышвырнуть без разбирательств.

— Давай я поговорю с Климом.

— Не надо. Это ничего не изменит, — упираюсь локтями в согнутые колени и запускаю пальцы в волосы, массируя голову.

— Пусть он поговорит с Аидом. Может, удастся его убедить поговорить с ректором и сказать, что ты ни в чём не виновата.

— Ты сама в это веришь?

— А что делать? Сидеть и ждать, когда тебя отчислят? Я поговорю с Климом.

— Не надо! Ещё не хватало тебя в это впутывать. Тебе мало с ним проблем?

— Не мало, — тяжело вздыхает она.

— Иди на лекции, а то опоздаешь.

— А ты?

— Я не пойду. У меня нет формы и ноутбука.

— Ой, — подскочив на месте, Агата подходит к письменному столу. — Твой рюкзак принесли.

— Кто?

— Клим, — виновато произносит она, разворачивая стул ко мне. На нём действительно лежит мой рюкзак.

— Рюкзак был у него, а он просто молча стоял и наблюдал, как я стремительно лечу к исключению из академии.

— Может, он забыл про него?

— Нет, Агата. Им всем плевать на нас, они просто развлекаются. И никто не будет за нас переживать, а тем более заступаться и быть на нашей стороне. Нужно держаться от них подальше.

Выговариваю всё на одном дыхании, глядя на свою наивную подругу. Агата, тяжело вздохнув, подходит к моей кровати и садится рядом.

— Ева, мы что-нибудь придумаем. Нужно всё рассказать ректору. Всё как было.

— Я рассказала. Он мне не поверил.

— Нужно найти свидетелей, — не сдаётся Агата. — Я могу подтвердить, что тебя силой затащили в машину и увезли. Я видела это своими глазами.

— Свидетели не помогут, Агата. Они всех запугали. Кто захочет связываться с золотой молодёжью? У каждого есть свои скелеты в шкафу, свои уязвимые места. Аид и его компания умеют давить на больное.

— Тогда я схожу к ректору и всё ему расскажу, — решительно заявляет она.

— Не надо, Агата. Ещё не хватало, чтобы тебя отчислили.

— За что? Я скажу правду. Это не преступление.

— За враньё!

— Но я не собираюсь врать! Я скажу правду.

— Ректор решит, что мы сговорились. Или что ты врёшь из дружеской солидарности. Нам никто не поверит. Мы для них — никто. Простые смертные, которые посмели возразить.

— Что тогда делать? — с отчаянием спрашивает Агата. — Ты сама мне говорила, что сдаваться нельзя!

— Помню, — тихо отвечаю я. — Мне нужно подумать. Иди на лекции.

— Я не хочу оставлять тебя одну.

— Всё будет хорошо. Не переживай.

— Точно?

— Да, — я решительно киваю. — Иди.

Агата нехотя подхватывает свой рюкзак и выходит, бросив напоследок тревожный взгляд. Я остаюсь одна.

Я не могу подвести тётю Свету. Столько сил, нервов она потратила, чтобы переступить через свою гордость и попросить для меня эту социальную квоту, чтобы я смогла получить лучшее образование и устроиться в этой жизни. Я просто не могу её подвести. Но что мне нужно было делать? Унижаться? Пресмыкаться? Я должна найти выход.

А может попробовать с ним договориться?

Вряд ли получится. Аид теперь не успокоится, пока не избавится от моего присутствия в академии. Я стала для него занозой, о которую он постоянно спотыкается. И единственный способ для него избавиться от раздражения — вышвырнуть меня отсюда.

Мне нужен на него компромат. Что-то, что заставит его пойти на перемирие.

Думай, Ева. Думай.

— У каждого есть свои скелеты в шкафу, свои уязвимые места... Видео.

Есть видео, на котором он и его дружки перед началом учебного года испортили герб, который красуется на воротах академии, но всё это они свалили на другого студента.

Точно!

Я подсказываю с кровати, словно на пружине. В крови разгоняется адреналин, а сердце барабанит о грудную клетку. В приподнятом настроении, но с холодной решимостью я выбегаю из комнаты.

В коридоре уже пусто — все на лекциях. Я спокойно поднимаюсь на пятый этаж, где живут «избранные». Осторожно выглядываю из-за угла проверяю, нет ли кого в коридоре. Привилегированные могут позволить себе прогуливать пары, поэтому я могу попасться раньше времени. Никого.

Тихо, на цыпочках, я подбегаю к комнате Аида. Ладонью обхватываю дверную ручку и замираю на мгновение. Сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди. Опускаю ручку вниз, мысленно молясь всем богам, чтобы он не закрыл дверь.

Ручка поддаётся с лёгкостью. Я даже не сразу верю в своё везенье. Заглядываю внутрь и прислушиваюсь. Тишина.

— Аид? — на всякий случай тихо спрашиваю я, чтобы убедиться, что в комнате никого.

В ответ тишина.

Пулей подлетаю к письменному столу и тянусь к ноутбуку, но останавливаюсь. Вряд ли он хранит видео там. Скорее всего он скопировал его на флэшку и куда-то её спрятал.

Начинаю проводить обыск.

Сначала проверяю ящики стола. Нет, он не настолько дурак, чтобы флэшку хранить в столе. Я бы на его месте носила её с собой. Но он не я.

Оглядываю комнату, лихорадочно соображая, куда он мог спрятать компромат. Придётся обыскать всё.

Под подушкой? Пусто. Под матрасом? Пусто. В шкафу? Я перебираю вещи, стараясь не нарушать порядок, но ничего не нахожу.

Остаётся ещё комод. Моя последняя надежда. Я открываю верхний ящик: футболки. Провожу рукой под ними — ничего. Второй ящик: нижнее бельё. Тоже пусто.

И тут мой взгляд падает на тонкую щель в нижней части ящика. Поддеваю ногтем фанеру, и на удивление она легко поддается. Поднимаю её, и первое, что бросается в глаза — это фотография. Беру её дрожащими руками и разглядываю снимок, который вызывает у меня искреннюю улыбку. Я понимаю, что нашла нечто большее, чем просто компромат. Достая из кармана телефон, делаю несколько снимков.

— Теперь ты точно у меня под колпаком, Аид, — шепчу я, чувствуя, как по телу разливается пьянящее чувство победы.

Краем глаза замечаю чёрную флэшку, которая лежала под фотографией. Возвращаю снимок на место, хватаю флэшку, затем аккуратно кладу обратно фанеру на место и вылетаю из комнаты, натываясь на что-то очень твёрдое...

Глава 9. Ева

Я отшатываюсь назад, потирая лоб, словно только что врезалась в каменную стену. Поднимаю голову и встречаюсь с самодовольной улыбкой блондинчика.

— Что ты там делала? — спрашивает Клим, кивая за мою спину, в тот момент, когда дверь в комнату Аида захлопывается.

— Искала свою форму, — складываю руки на груди, сжимая в кулаке флешку.

— Нашла?

— Как видишь, нет, — пожимаю плечами, стараясь сохранить невозмутимость.

Обхожу Клима и направляюсь в сторону лестницы, но, сделав пару шагов, останавливаюсь и бросаю через плечо:

— Передай своему другу, что я нашла его тайник. И жду его у себя в комнате с моими вещами.

Пока Клим соображает, о каком тайнике я говорю, я быстро сворачиваю за угол и пулей сбегаю по лестнице на свой этаж. По всему телу пробегает дрожь, но я уверенно шагаю в свою комнату с широкой улыбкой на лице. Я реально это сделала.

Захожу в комнату, плотно закрываю дверь и на мгновение прижимаюсь к ней спиной. Закрываю глаза, пытаюсь перевести дух. Адреналин в крови бушует с новой силой, заставляя сердце биться о грудную клетку. Мне не верится, что я смогла на такое пойти. Ещё чуть-чуть, и меня поймали бы с поличным.

Дрожащими пальцами включаю ноутбук. Быстро копирую видео в облако и удаляю его с флешки. Затем отдираю уголок плинтуса, прячу туда накопитель и аккуратно вставляю его обратно.

Отлично! Довольно потираю руки, чувствуя, как внутри разливается тёплая волна удовлетворения. Теперь остаётся дождаться самого дьявола из преисподней.

Встаю посреди комнаты, убрав руки в передний карман толстовки, и смотрю на дверь. Морально готовлюсь к очередной схватке. Он должен вот-вот ворваться сюда. Клим точно ему сразу сообщил о моём визите в его комнату. А нечего оставлять двери открытыми.

Долго ждать не приходится. Дверь с грохотом распахивается, ударяясь об стену, а затем с ещё большим грохотом захлопывается.

— Тебе конец, убогая! — хрипит Аид, явно еле сдерживаясь, чтобы не накинуться на меня с порога и не придушить. Но он не может этого сделать. Он знает, что у меня есть козырь против него.

— Повторяешься! — довольно усмехаюсь, стараясь не рассматривать его. Но как тут удержаться? Он в черных брюках, в расстёгнутой на три пуговицы белой рубашке, из-под которой выползают татушки к шее и затылку. Они так контрастируют с белой тканью, что хочется залипнуть и рассматривать его. Кстати, ему очень идёт. И это бесит!

— Ты напрашиваешься! — он медленно надвигается на меня.

— Нет, — мотаю головой. — Я всего лишь хочу восстановить справедливость.

Я не могу передать словами, какая внутри меня буря эмоций, что я сейчас уделаю этого гавнюка. Всё смешивается в коктейль, от которого у меня кружится голова.

— Этого не будет.

— Я так не думаю, — широко улыбаюсь. На миг замечаю, как Аид бросает взгляд на мои губы, и я тут же их кривлю. Пусть даже не думает об этом. Меня не привлекают плохие мальчики, которые пытаются самоутвердиться за счёт других. У меня на это иммунитет.

— Где флешка? — его голос становится низким и угрожающим.

— В надёжном месте.

— Не зли меня ещё больше, — цедит он сквозь зубы. Аид делает два шага, останавливаясь почти вплотную ко мне. Нависает надо мной, давя своей холодной энергетикой. Мне даже хочется поёжиться.

— Где мои вещи? — спрашиваю я, глядя прямо в его глаза. Показываю всю свою решимость.

— В моей машине, — прищуривается он.

— Ты мне вещи. Я тебе флешку.

— Ты меня шантажируешь? — в его голосе звучит искреннее удивление.

— Пока нет. Предлагаю честный обмен.

— Я сам её найду, — цедит он и резко разворачивается.

Аид начинает всё выкидывать из шкафа.

— В этом бардаке ты её точно не найдёшь! — стараюсь говорить спокойно, еле сдерживаюсь, когда он начинает выкидывать всю одежду из комода. Наши вещи с Агатой разлетаются по полу, словно мусор.

Перевернув всю комнату, он залезает в туалет, поднимает крышку бачка и проверяет там. У меня была идея её там спрятать, хорошо, что передумала.

Ничего не найдя, Аид вылетает из комнаты и пропадает минут на десять. Я уже подумала, что он пошёл за топором и чёрным мешком, но нет — он возвращается с моими вещами и бросает их на пол возле моих ног. Злющий, как чёрт.

— Где флешка? — угрожающе цедит сквозь зубы.

Пока он бегал за моими вещами, я успела её достать из своего тайника. Медленно вытягиваю руку, наслаждаясь победой, и раскрываю ладонь прямо перед его носом.

— Никто не смеет меня шантажировать! — предупреждает он, забирая накопитель. — За это ты заплатишься.

— Я так не думаю, — натягиваю довольную улыбку и делаю загадочный вид. — А вот шантажировать я собираюсь тебя сейчас.

Его брови от удивления аж подпрыгивают. На лице шок вперемешку с неверием. Потрясающая картина. Я бы её даже запечатлела на камеру, распечатала и потом развесила бы постеры по всему кампусу.

— Я скопировала содержимое к себе в облако, — говорю я медленно, смакуя каждое слово.

— Сука! — хватает меня за локоть и с силой дёргает на себя. — Ты сейчас же всё удалишь!

— Только после того, как ты расскажешь ректору, что я не виновата в том, что произошло.

— Тебе не кажется, что ты слишком много на себя берёшь?

Его мятное дыхание опалает моё лицо. Нос тут же улавливает ещё нотки грейпфрута и кедра. Вкусный у него парфюм, чёрт бы его побрал. Я задерживаю дыхание, чтобы мои рецепторы не чудили и не отвлекали от основной задачи.

— Нет, — мотаю головой. — Я делаю всё, чтобы меня не отчислили.

— Даже если это не произойдёт, здесь спокойно учиться ты не сможешь. Я лично тебе это гарантирую.

— Не думаю. Иначе все узнают, какой ты sentimentalный. Я видела фотографию.

— Откуда ты...

— Слухи... И хороший аналитический склад ума, — пожимаю плечами.

В глазах Аида такая буря, которая обещает меня уничтожить, стереть в порошок. Его скулы заострились, он дёргает головой в сторону, словно борется сам с собой. Резкий рывок, и я опять врезаюсь в его грудь. Второй рукой он обхватывает мои скулы и с силой сдавливают их, медленно наклоняется ближе и шепчет в губы, глядя прямо мне в глаза:

— Хорошо. Я сделаю, как ты хочешь. После чего ты удалишь видео.

Я киваю.

— Но потом, — продолжает он, — я превращу твою жизнь в ад. Ты сама захочешь уйти отсюда.

Он небрежно отпускает моё лицо.

— Не забывай про фото, — тут же напоминаю я.

— Тебе никто не поверит, — он отталкивает меня с такой силой, что я падаю на кровать.

— Ты ещё пожалеешь об этом.

Глава 10. Аид

Я вылетаю из комнаты убогой стервы. Внутри всё кипит, пульс стучит в висках, а в груди разливается такая злость, что, кажется, я готов крушить всё на своём пути. Кулаки сжимаю до хруста, зубы стиснуты до скрежета. В голове пульсирует только одно желание: стереть её самодовольную ухмылку с лица.

Считав моё состояние, Клим, стоявший в коридоре, молча усмехается. Он отталкивается спиной от стены и молча следует за мной. Весело, блядь, ему. Пихаю флешку в карман брюк и быстро шагаю в наше учебное здание.

Что она о себе возомнила? Эта нищенка, эта серая мышь, посмела бросить мне вызов? Откуда в ней столько смелости? Её уверенность, её дерзость — это что-то новое, что не даёт мне покоя. Было пару девчонок, которые тоже пытались сопротивляться нашим неписаным правилам, но мы быстро поставили их на место. Обычно достаточно было одного моего взгляда или намёка, чтобы они скукоживались и замолкали. Но у этой убогой стержень оказался намного твёрже. Ну ничего, я сломаю и его. Я сломаю её целиком, если потребуется.

— Отдала? — спрашивает Клим, когда мы выходим на улицу.

— Отдала, — цежу сквозь зубы. — Но предварительно скопировала видео себе в облако. Додумалась, сука. И теперь шантажирует меня.

— Смелая, — усмехается друг, и я слышу в его голосе нотки уважения, что бесит меня ещё больше.

— Придётся жёстче приструнить.

— Ты пытался уже. Ничего не вышло, — Клим тянет стеклянную дверь на себя, и мы заходим в главное здание. Внутри прохладно, но меня нихрена это не остужает.

— Придётся поменять тактику, — бросаю я и сбегая по лестнице на второй этаж. На последней ступени я резко торможу.

— Куда собрался? — грозно спрашивает рыжая мелочь, скрестив руки на груди и выставив одну ногу вперёд, мысом своих туфель постукивает по плитке.

Выглядит комично, если учесть, что я стою на ступень ниже, а она всё равно дышит мне в пупок. Ну ладно, в грудь.

— Отойди с дороги, мелочь.

Она воинственно задирает голову, и её идеальные брови сходятся на переносице. Глаза горят праведным гневом.

— Во-первых, я не мелочь. Ты всего старше меня на два года. Во-вторых, когда ты оставишь бедную девушку в покое? Сколько можно издеваться над людьми?

— Не лезь не в своё дело! — рявкаю я, чувствуя, как злость переливается через край. — И почему ты не на парях? У тебя что, занятий нет?

— Потому что весь кампус обсуждает, какой ты урод, Аид. Даже до нашего корпуса дошли слухи о твоих «развлечениях».

— За языком следи!

— А то что? Тоже меня отвезёшь в лес?

— Майя, тебя за шкирку отвести на пару?

— Пошли, малышка, — вмешивается Клим, протискиваясь между мной и стеной. — Я тебя провожу.

— Майя, — говорю я, препарируя взглядом друга. — Никакая она тебе не малышка, киска, зайка и тому подобное.

— Майя, — повторяет он, обнимая её за плечи и улыбаясь своей дурацкой улыбкой.

— Руки держи при себе, — я скидываю его лапы с плеч сестры.

— Понял, понял, — смеясь, выставляет ладонь вперёд.

Я отступаю в сторону, пропуская их, но Майя останавливается напротив меня и довольно сообщает:

— Кстати, тебя ждёт ректор. Я ему всё рассказала. Всё, что ты творишь. И предупредила, что могу выступить на комиссии и подтвердить свои слова, если понадобится.

— Тебе вообще какое дело до этой убогой?

— Мне просто стало её жаль, — пожимает плечами этот ангелочек.

Майя всегда была чересчур доброй, как и наша мать. Вот только у второй ничего хорошо из этого не вышло.

— Если бы ты не была моей сестрой...

— Знаю-знаю, — отмахивается она, спускаясь по ступенькам вслед за Климом. — Уже бы расплачивалась за свою дерзость. Но я твоя сестра, так что терпи.

— Стой! — окликаю я, переваливаясь через перила.

— Что? — Майя поднимает голову и вопросительно смотрит на меня.

— Помалкивай о том, что ты ходила к ректору.

— Почему?

— У меня договор с этой убогой, — нехотя признаюсь я. — Я как раз шёл к ректору сказать, чтобы он её не отчислял. Так что не лезь больше.

— Правда? — её лицо озаряется широкой улыбкой. — Неужели наш великий и ужасный Аид нашёл кого-то, кто может его прижать? И чем же она тебя так?

— Не твоё дело!

— Я знала, что этот день когда-нибудь настанет.

— Ты о чём?

— Да так, — она сбегает по лестнице, исчезая из моего вида. Её смех эхом разносится по холлу.

Не будь она моей сестрой, давно бы придушил. Но она — единственный человек, которого я искренне люблю.

Пройдя мимо помощницы ректора, я даже не стучу — просто распахиваю дверь и захожу. Сергей Петрович поднимает взгляд от книги, которую держит в руках, и смотрит на меня поверх очков.

— Аид, — он закрывает книгу и снимает очки. — Присаживайся.

Я опускаюсь в кресло напротив него и молчу, ожидая, когда он начнёт свою нравоучительную речь. Я знаю этот сценарий. Сначала он будет говорить о морали, потом о репутации академии, потом пригрозит.

— Ко мне заходила Майя и рассказала о том, как вы развлекаетесь в моей академии.

— Она не Ваша, — хмыкаю я, замечая, как напрягается челюсть ректора. Он не любит, когда ему напоминают, что он тут не хозяин. Хотя в открытии академии он сыграл не последнюю роль.

— Ваши развлечения ни к чему хорошему не приведут.

— Таким не место в моей академии.

— Это не тебе решать. Они тоже имеют права здесь учиться. Я-то думал, что они и правда тебе не дают проходу и пытаются привлечь твоё внимание.

— Они сюда поступают только для того, чтобы найти себе богатого любовника. Они только делают вид, что учатся. Они охотятся за деньгами.

Ректор задумчиво прищуривается, а затем качает головой. Он хорошо знает меня. Слишком хорошо. И знает, откуда растут ноги моего цинизма.

— Не все женщины такие, Аид.

— Давайте Вы не будете читать мне лекции о морали, Сергей Петрович. Я не в настроении.

— И не собираюсь, — неожиданно легко соглашается он. — Пока ты сам не убедишься в этом, ничего не сможет изменить твоего мнения.

— Всё верно. Ничего не изменит моего мнения.

— Значит так, — ректор поднимается с кожаного кресла и, убрав руки за спину, подходит к окну. — В этом году ты будешь участвовать в мероприятии «Месяц благотворительности» вместе с Романовой.

— Не буду!

— Будешь, Аид, — он оборачивается и смотрит на меня в упор. — Иначе я прикрою ваши подпольные бои в заброшенном здании завода. И вам негде будет выпускать пар.

— Найдем другое место, — отмахиваюсь, стараясь показать свое безразличие.

— Не найдете. Потому что больше не сможете покидать кампус. Я лично сменю все замки и выставлю охрану. Будете, как в армии, покидать территорию кампуса только с официального разрешения.

— Хорошо, — цежу я, соглашаясь только ради парней. Заброшенка находится за территорией кампуса, но Сергей Петрович в силах ради безопасности студентов выставить там охрану или вообще снести это здание. А это наше святилище. Там проходят все развлечения: бои, гонки, пейнтбол. В общем, у кого на что хватит фантазии, все сбегаются именно туда.

И в прошлом году после крупного косяка Сергей Петрович запретил покидать кампус без официального разрешения. Мы целый месяц были лишены развлечений и чуть не взвыли от скуки.

На пары идти нет никакого желания. Поэтому я возвращаюсь в свою комнату и заваливаюсь на кровать. Мне нужно придумать новый план мести для убогой стервы. Либо она преклонится передо мной, либо она уйдёт отсюда. Других вариантов у неё нет.

— Что сказал ректор? — в комнату заходит Клим и плюхается в кресло, вытягивая ноги.

Рассказываю наш короткий разговор с Сергеем Петровичем, злясь ещё больше от того, что придётся участвовать в этой дурацкой благотворительности целый месяц. Да ещё и с ней.

— Слушай, — говорит Клим, и его голос становится серьезным. — Ты же хотел изменить тактику, помнишь? Вот тебе и выпала отличная возможность. Месяц благотворительности. Ты будешь с ней рядом каждый день. У тебя будет целых тридцать дней, чтобы показать ей, кто здесь главный. Сломать её публично.

Глава 11. Ева

— Ева, задержитесь, — просит преподаватель по программированию.

Я подхожу к его столу, и он протягивает мне результат моего тестирования, которое он проводит каждую неделю после изучения материала.

— У тебя самый низкий балл. Если ты не подтянешься, ты не сможешь сдать зачёт. А на втором курсе не потянешь курс по бизнес-программированию. А он обязателен для всех студентов.

— Знаю, — этот предмет мне даётся сложно. Ничего в этом не понимаю. — Я постараюсь.

— В академии есть программа, где старшекурсники подтягивают отстающих. Зайди в деканат, и они тебе подберут студента, который поможет с программированием.

— Хорошо, — киваю.

Выхожу из аудитории и направляюсь в столовую, где меня уже ждёт Агата. Если я завалю хоть один предмет, меня отчислят. Поэтому решаю не тянуть и после обеда зайти в деканат и попросить их поскорее найти мне репетитора.

В столовой хватаю со стойки поднос и ставлю на него свой обед. Направляюсь к Агате, которая заняла место у окна, лавируя между столиками и пытаясь ничего не расплескать на поднос. Но внезапно я опять врезаюсь в какое-то препятствие.

— Аккуратнее! — визжит знакомый голос панды.

Да чтоб меня! Что за невезение?

Она вылетела буквально из ниоткуда, и стакан апельсинового сока, который я несла, опрокинулся прямо на её белоснежную блузку.

На секунду в столовой воцаряется тишина. Марго смотрит на свою грудь, с которой стекает оранжевая жидкость, а потом переводит взгляд на меня.

— Ты... — она задыхается от гнева. — Ты хоть понимаешь, сколько стоит эта блузка?

— Прости, я не нарочно. Давай я застираю, или оплачу химчистку, или...

— Или выльешь это на себя, — она указывает на поднос, где стоит тарелка с борщом.

— Что?

— Глухая? Выливай. Так будет справедливее.

— Не тебе говорить о справедливости! — начинаю злиться.

— Ты облила меня и испортила мне блузку.

— Послушай, я извинилась. Это была случайность.

— Мне плевать, случайность это или нет. Ты испортила мне вещь. Теперь ты должна испортить свою. Выливай.

Вокруг уже начинают собираться зрители. Кто-то хихикает, кто-то просто смотрит с любопытством.

— Нет!

Внезапно эта бешеная панда хватает меня за волосы. Это было так внезапно, что я даже не сразу поняла, что произошло. Марго наматывает себе на кулак мои волосы и дёргает на себя так сильно, что я вскрикиваю от боли и роняю поднос на пол.

— Я сказала, — шипит она мне в ухо, — выливай.

— Руки убрала! — размахиваюсь со всей дури и луплю её ладонью по лицу.

Она взвизгивает, но её визг заглушает убийственно ледяной голос Аида.

— Отпусти её!

Марго отпускает меня так быстро, будто обожглась. Я выпрямляюсь и поворачиваюсь. Аид стоит в проходе между столами, скрестив руки на груди, и смотрит на Марго так, будто решает, стереть её в порошок прямо сейчас или оставить на потом.

— Аид, — она мгновенно меняет тон с нотками жалости. И в нём даже слышится слащавая покорность. — Она испортила мою блузку. Я просто хотела, чтобы она извинилась, как положено убогим.

Он переводит взгляд на меня и кривится, будто увидел что-то неприятное. Я непроизвольно тянусь руками к растрепанным волосам, снимаю резинку и собираю их в пучок.

— С этого момента, — говорит он громко, так, чтобы слышали все в столовой, — она — моя прислуга. На месяц. Любые претензии к ней — через меня. Если кто-то тронет её пальцем, будет иметь дело со мной.

По залу пробегают шёпотки. Марго бледнеет. А я застываю, пытаюсь переварить услышанное. Прислуга? Что за...?

Аид подходит ко мне, хватая за запястье и тащит к выходу. Я едва успеваю перебирать ногами. Он выволакивает меня в коридор и куда-то тащит.

— Отпусти, — пытаюсь вырваться.

— Нет!

— Куда ты меня тащишь?

— К тебе в комнату.

— Зачем? — дёргаю рукой, но не получается избавиться от его захвата. Он лишь сильнее сжимает пальцы на моём запястье.

— Чтобы ты вернула видео.

— Я вчера тебе его отдала.

Аид резко останавливается, и я чуть в него не влетаю, успевая затормозить в последний момент.

— Ты удалила видео с флешки! — рычит он, нависая надо мной.

— Я ничего не удаляла, — я попыталась изобразить непонимание.

— Не прикидывайся душой! — ещё сильнее сжимает моё запястье.

— Отпусти! Больно же!

Он разжимает пальцы, и я отдёргиваю руку, растирая запястье.

— Сейчас мы пойдём в твою комнату. Ты скинешь видео обратно на флешку и удалишь его из облака.

Он делает шаг ко мне, а я отступаю назад.

— Неа, — мотаю головой. — Оно останется у меня. Для подстраховки.

— Какой подстраховки?

— Если я сделаю, как ты говоришь, ты можешь опять сказать ректору, чтобы меня отчислили.

Аид не успевает ничего ответить, как внезапно до нас доносится голос Сергея Петровича.

— Вас-то я и искал, — ректор останавливается рядом с нами.

Он искал нас? Лично?

Я гулко сглатываю, не понимая зачем. Он передумал? Утром мне сказали, что вопрос с моим отчислением решён и я могу спокойно идти на пары.

— Завтра начинается Месяц благотворительности. И вы оба участвуете. Вам достался пятый детдом. Каждый день после занятий вы едете туда на три часа и делаете всё, что скажет директор.

— Мы? Вместе? — уточняю я, но при этом вообще не понимаю, что это за программа такая.

— Всё верно, — кивает ректор. — А ты, Аид, ещё отвечаешь и за Еву. Она первокурсница, поэтому полная ответственность будет на тебе.

Аид молчит, лишь желваки на скулах ходуном ходят. Довольно хмыкнув, ректор уходит. Я провожаю его взглядом, пытаюсь переварить услышанное.

— Это ты всё устроил? — шиплю я, повернувшись к Аиду.

— Нет. Это ректор.

— Не смей меня. Что за бред с благотворительностью?

— Опять программу не прочитала? В ней указано, что каждый студент может участвовать в Месяце благотворительности. Так вот, в наказание ректор нас туда записал. Вдвоём.

— И ты просто согласился?

— А что мне оставалось делать? — в его голосе слышно раздражение.

— Ничего нового! Сказать, что это твоя академия и здесь ты всё решаешь. Или не всё?

— я выделяю последние слова, вложив в них всю свою едкость.

Он игнорирует мой сарказм.

— Завтра после пар жду тебя на парковке.

— Мы вместе поедем?

— Да.

— Просто отлично, — выдохнула я.

— Сам не в восторге.

— Ты специально всем объявил, что я твоя прислуга, — осеняет меня, — чтобы никто не догадался, что ты облажался со мной и ректором. И теперь отбываешь наказание.

— Ты завтра, когда в машину будешь садиться, корону на голове придержи. А то свалится ненароком от твоих фантазий.

Я улыбаюсь. По-настоящему. Впервые за весь этот кошмарный день.

Я приближаюсь к нему ближе и понижаю голос до шёпота: — Хотя бы сам себе признайся, что тебя, самого Аида, короля Преисподней, обвела вокруг пальца нищая сиротка.

Он замирает. На секунду я вижу в его глазах что-то, похожее на изумление. А потом его лицо каменеет.

— Тебе не кажется, что у тебя слишком длинный язык? И пора бы его укоротить?

— Не кажется!

В этот момент в кармане моего пиджака начинает вибрировать мобильный. Не отрывая взгляда от Аида, я машинально достаю его.

— Тогда прикуси его! — отвечает он и переводит взгляд на вибрирующий телефон в моей зажатой ладони. На экране высвечивается «Шумахер».

— Мне нужно ответить. Это мой... парень звонит.

Глава 12. Ева

После последней пары я буквально срываюсь с места, едва дождавшись, когда прозвенит звонок. В аудитории ещё стоит гул голосов, а я уже хватаю рюкзак и, лавируя между студентами, вылетаю в коридор.

— Ты куда так спешишь? — спрашивает Агата, подстраиваясь под мой шаг.

— После пар я еду в детдом, — выдыхаю я на ходу, не сбавляя темпа.

— Зачем?

— Я участвую в месяце благотворительности.

— А мне чего не сказала? Я бы с тобой записалась.

— Я не записывалась. Ректор нас записал в наказание.

— Нас?

— С Аидом.

— Чего? — она хватается меня за локоть и резко останавливает. — Кантер согласился участвовать?

— У него не было выбора, как и у меня. Об этом нам сообщил лично ректор.

Агата оглядывается по сторонам, будто проверяет, не подслушивает ли кто, и понижает голос до шёпота:

— Ты в курсе, что ректор близкий друг их семьи? Он на многое закрывает глаза и многое позволяет Аиду. Говорят, в семье Кантеров произошла какая-то семейная драма, с которой старший сын до сих пор не может смириться.

— Откуда ты это знаешь?

— Клим как-то проболтался, — пожимает она плечами. — Так что, возможно, это всё уловки Аида. Он мог специально попросить ректора вас двоих отправить. Будь с ним аккуратнее, слышишь?

— Да.

— Если что, сразу звони мне. Я подниму на уши весь кампус.

— Ректор его при мне предупредил, что он за меня отвечает, — добавляю я, пытаюсь успокоить и её, и себя. — Сказал, что если со мной что-то случится, Аид будет лично отвечать перед ним.

— И ты думаешь, что он его послушает? — Агата фыркает, закатывая глаза. — Он никого не боится, Ева. Он никому не спускает дерзости и неподчинения. А ты у него как заноза в заднице.

— Ну спасибо, — смеюсь я, хотя смех выходит натянутым. — Ещё никто меня так не называл.

— Ева, я серьёзно! — она хватается меня за плечи, заставляя посмотреть ей в глаза. — Он с лёгкостью оставил тебя ночью в лесу, а сейчас ты с ним уезжаешь за территорию кампуса. Ты понимаешь, что это значит? Он может сделать всё что угодно, и никто ему ничего не скажет.

— Я не думаю, что он способен на убийство, — усмехаюсь я.

— Я тоже так не думаю, а вот сломать тебя морально он может.

— Не переживай. У меня есть на него рычаги давления, — подмигиваю подруге.

Агата лишь неодобрительно качает головой и тяжело вздыхает, отпуская мои плечи.

В комнате я решаю никуда не торопиться. Пусть едет без меня, а я поеду на такси. Скидываю надоевшую университетскую форму. Натягиваю любимые узкие синие джинсы, белую футболку и сверху накидываю бежевый бомбер. Распущенные волосы собираю в высокий хвост. Вынимаю из рюкзака ноутбук и не спеша направляюсь к парковке.

«Его высочеству точно надоело меня ждать, и он уехал, — думаю я с лёгкой усмешкой. — Ну и отлично. Меньше проблем».

Достаю телефон, открываю приложение, чтобы заказать машину. Уже собираюсь нажать на кнопку «Заказать», как мой шаг сбивается, когда я замечаю знакомый чёрный внедорожник. Водительская дверь распахнута, а сам хозяин машины развалившись в кресле с ленцой листает телефон. На нём черные джинсы и такого же цвета футболка. Неужели у него вся повседневная одежда исключительно чёрного цвета?

Внезапно, будто почувствовав мой взгляд, Аид медленно поворачивает голову. Его тёмные глаза находят меня мгновенно, и я чувствую, как по спине пробегают мурашки. Он медленно скользит взглядом по моей фигуре: от макушки до кед, задерживаясь на каждом изгибе. Затем его губы искривляются в усмешке.

Козёл! Мне даже захотелось опустить взгляд и проверить, что со мной не так. Может, ширинку не застегнула? Пятно на джинсах? Или наизнанку надела бомбер? Вместо этого расправляю плечи и уверенно подхожу к машине.

— После пар — это значит, что сразу после звонка ты должна была прибежать сюда, а не через двадцать минут, — его голос низкий, с лёгкой хрипотцой и неприкрытой насмешкой.

— Мне нужно было переодеться.

— Это необязательно было делать.

— Кто бы говорил, — шиплю, кивая на его внешний вид. — Сам-то успел переодеться в свой демонический цвет. Кстати, белый тебе больше идёт.

— Садись, — он игнорирует мою колкость, захлопывает дверь и заводит машину.

— Придурок, — бурчу я себе под нос, обходя машину спереди. И тут я чувствую это — странное покалывание на левой щеке, будто меня что-то притягивает, как магнитом. Я почти физически ощущаю его взгляд на себе. Хочется повернуться и проверить: моё ли это воображение, или он действительно пялится на меня?

Распахиваю пассажирскую дверь и забираюсь в его «танк». Сразу в нос ударяют насыщенные нотки грейпфрута, кедрa и дорогой кожи. Салон такой же мрачный, как и его хозяин: чёрная кожа сидений, чёрная панель, никаких безделушек или освежителей. Единственное, чем отличается эта машина от своего хозяина, так безупречным блеском. Каждая поверхность сияет так, словно её только что отполировали. Аид же выглядит так, будто только что встал с кровати и натянул первую попавшуюся одежду. Но, чёрт возьми, даже в этом он выглядит сногшибательно. Как бы мне ни хотелось это отрицать.

— Можешь остановиться у магазина «Сластёна»? — спрашиваю я, когда мы выезжаем с территории кампуса.

— Чупа-чупса захотелось? — он бросает на меня насмешливый взгляд, и уголок его губ дёргается. — Так я могу тебе свой дать.

Проигнорировав его дебильную и пошлую шутку, я цежу сквозь зубы:

— Хочу купить детям сладости. Ты же наверняка об этом даже не подумал.

— Денег-то хватит? Или ты рассчитываешь, что я за всё заплачу?

— Хватит!

— В детдоме не пять детей.

— Я знаю!

— По личному опыту?

Я молчу, сжав кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Я не собираюсь откровенничать с ним. Ни за что.

— В этом детдоме... — начинает Аид, но я его перебиваю:

— Тридцать девочек и двадцать мальчиков. Он открыт относительно недавно, поэтому в нём сейчас не так много детей.

— Ух ты. Подготовилась?

— Мне же нужно знать, куда я еду.

— Плохо подготовилась, — вдруг заявляет он, и я замираю.

— В смысле?

— В этом детдоме не так много детей не потому, что он открыт недавно. Это сделано специально, чтобы обеспечить их всем необходимым и дать качественное образование. Туда определяют детей, чьи родители умерли от рака. Это специализированное учреждение с усиленной психологической поддержкой. Они все вместе проходят терапию, чтобы справиться с потерей.

— А остальные дети не заслуживают такого же приюта? Мне непонятно такое разделение. Почему кто-то должен определять, кто достоин лучшего ухода?

— Такой детдом не единственный, — неохотно сообщает Аид, останавливаясь напротив магазина. — Есть и другие. Но ты права, их мало.

Я выхожу из машины, хлопнув дверью громче, чем нужно. В магазине я покупаю всем по большому чупа-чупсу и два огромных пакета с мармеладками. На кассе я отсчитываю деньги, чувствуя, как кошелек заметно худеет, но это того стоит. Представляю, как загорятся глаза детей.

С трудом дотащила два тяжелых пакета до машины. С горем пополам заталкиваю их в машину и ставлю на коврик. Всё это время я чувствую на себе пристальный взгляд Аида.

— Боишься, язык отсохнет, если попросишь о помощи? — спрашивает он, когда я плюхаюсь в кресло и с силой захлопываю дверь, надеясь, что от этого звука у него заложит уши.

— А ты боишься, что тебя повысят из дьявола в ангелы, если сам поможешь? — парирую я.

— Этого я точно не боюсь, — зло усмехается он, и его улыбка становится почти волчьей. — Ангелом мне никогда не стать.

— А я не собираюсь продавать душу дьяволу.

— А кто сказал, что у тебя есть выбор? — его голос становится низким, опасным.

Прежде чем я успеваю ответить, Аид резко обхватывает ладонью мой затылок и притягивает к себе. Наши лица оказываются в нескольких сантиметрах друг от друга. Я чувствую его дыхание на своих губах, и мое сердце пропускает удар, а затем начинает биться как бешеное.

Глава 13. Ева

— А кто сказал, что у тебя есть выбор? — дыхание Аида щекочет мои губы. Я еле сдерживаюсь, чтобы не провести по ним языком. — Он сам может забрать твою душу.

— Ничего не выйдет, — дерзко отвечаю я, пытаюсь вырваться из его захвата. Его пальцы ещё крепче сжимают мой затылок.

— Не зарекайся, — он грубо меня отпускает и садится прямо, откидываясь на спинку сиденья.

Затылок жжёт, такое чувство, что он оставил на нём свою дьявольскую метку. Бесит он меня до скрежета зубов. Он слишком самоуверен. А мне придётся терпеть его целый месяц. Целый месяц бок о бок с этим высокомерным, надменным, невыносимым типом. У меня точно ангельское терпение — иначе я бы уже давно вцепилась ему в лицо и хорошенько расцарапала его.

Машина трогается с места, и до самого детдома мы едем молча.

Когда мы заезжаем на территорию детдома, мои глаза расширяются от удивления. Я ожидала увидеть примерно тоже самое, что и в государственных учреждениях. Но вместо этого передо мной предстаёт большая, ухоженная территория, на которой расположено три здания. Одно из них, центральное, смахивает на особняк с широкими окнами и аккуратной черепичной крышей. Рядом оборудована современная спортивная площадка: новенькие турники, баскетбольные кольца, ровное покрытие, на котором сейчас дети с азартом гоняют мяч.

Мы выбираемся из машины. Аид облокачивается спиной о капот своего танка и, скрестив ноги и руки, смотрит на играющих детей. Я продолжаю рассматривать территорию, но тут замечаю, как к нам навстречу идёт женщина средних лет в строгом чёрном костюме, с идеальной причёской и в очках с тонкой оправой.

— Аид и Ева? — спрашивает женщина, останавливаясь в нескольких шагах от нас.

— Да, — киваю я.

— Сергей Петрович сообщил мне, что в этом году вы будете нам помогать.

— Все верно, — улыбаюсь, поглядывая на недовольного Аида, который уже пялится в экран своего телефона. Вот же невоспитанный гавнюк.

— Я Мария Львовна, директор этого детдома, — представляется женщина, протягивая мне руку. Я пожимаю её.

— Мы привезли сладости детям. Можно я сейчас их угощу?

— Конечно, только сразу всё не отдавайте, — предупреждает она с лёгкой улыбкой. — А то ужин никто не будет есть.

— Хорошо. Пока я вытаскиваю тяжеленные пакеты из машины, Мария Львовна подзывает детей. Те бросают мяч и гурьбой сбегаются к нам, возбуждённо переглядываясь и перешёптываясь.

— Дети, познакомьтесь, это Аид и Ева. Они помогут нам привести в порядок спортивный зал после ремонта.

— Ура! — кричат дети. Их глаза горят восторгом, и на мгновение я забываю о присутствии Аида, о его колких взглядах и о том, как сильно он меня раздражает. Я вижу только эти счастливые лица.

— После ремонта? — удивляюсь я, обернувшись к Марии Львовне. — Но детдом же открылся совсем недавно. Разве уже понадобился ремонт? Кто же так строит, что пришлось всё переделывать?

— Построили хорошо, — улыбается Мария Львовна. — Просто дети как-то обмолвились, что было бы здорово, если бы у нас был ещё и бассейн. Вот владелец и решил немного

расширить спортзал. Строительство закончилось буквально пару дней назад. Теперь у нас полноценный спортивный комплекс с душевыми и бассейном.

— Тогда вам очень повезло с владельцем, — я даже не пытаюсь скрыть восхищение.

— Я тоже так думаю.

— Смотрите, что мы вам привезли! — я присаживаюсь на корточки, и дети окружают меня плотным кольцом. Я открываю пакет с чупа-чупсами и выдаю каждому по одному.

Дети, радостные, с конфетами в руках, разбегаются по территории.

— Давайте для начала я покажу вам здесь всё, — предлагает Мария Львовна, когда последний ребёнок убегает.

— Хорошо, — я нагибаюсь, чтобы взять пакет с мармеладом.

— Аид, возьмите пакет, по дороге занесём его в столовую, — говорит Мария Львовна, и я перевожу взгляд на него, еле сдерживая улыбку. Его лицо искажается гримасой недовольства, но он не перечит директору, что меня искренне удивляет. Недовольно усмехнувшись, он подходит ко мне и забирает пакет из моих рук.

Его пальцы задевают мою ладонь, и я отдёргиваю её так, словно он опять оставил на ней свою метку.

— Прямо перед вами, — Мария Львовна показывает на особняк, который я заметила ещё при въезде. — Жилой корпус. В нём расположены спальни, столовая и комната отдыха. Слева — учебный корпус. Там у нас классы, библиотека, компьютерный класс и кабинет психолога. Справа — спортивный корпус, и рядом с ним, как вы видите, оборудованная спортивная площадка. В следующем году за жилым корпусом хотим разбить сад. У нас уже есть проект, и владелец обещал выделить средства.

Подойдя к жилому корпусу, нам навстречу выходит мужчина в белом колпаке и таком же белоснежном фартуке.

— Это Владимир Станиславович, наш повар, — представляет его Мария Львовна. — Владимир, заберите пакет. Там угощение для детей. После ужина можно будет им раздать.

— Хорошо, — кивает мужчина, забирая пакет у Аида.

— Спасибо, — говорю я, и мужчина подмигивает мне, прежде чем успевает скрыться в здании.

— Пойдёмте, покажу вам учебный корпус, — кивает Мария Львовна, и мы следуем за ней.

Мы заходим в здание, и директор начинает экскурсию. Она рассказывает о специализированных классах, о современном оборудовании, о первоклассных специалистах, которых удалось привлечь к работе. Я слушаю, затаив дыхание. Здесь есть кабинет робототехники, кабинеты с новейшим программным обеспечением, просторная библиотека с мягкими креслами. Каждый уголок продуман до мелочей.

Всё это время Аид молча ходит за нами, уткнувшись в экран своего телефона. Никакой реакции, никакого восхищения. Ему плевать. Он здесь только потому, что его заставили. Я же, наоборот, в полном восторге от услышанного и увиденного. Вот бы все детдома были такими. Вот бы все дети могли расти в таких условиях.

— Владелец, наверное, сам вырос в детдоме, раз решил так всё обустроить? — спрашиваю я, когда мы выходим из здания.

— Нет, — качает головой Мария Львовна. — Он родился с золотой ложкой во рту.

— Правда? — искренне удивляюсь я.

— А что Вас удивляет? — мягко спрашивает она.

— Обычно им плевать на таких, как мы, — пожимаю плечами. — Они избалованные эгоисты, которые думают только о своём благополучии.

Мария Львовна бросает взгляд за мою спину, туда, где стоит Аид, и понижает голос до шёпота:

— Не все такие, — затем уже громче спрашивает: — А Вы тоже выросли в детдоме?

— Нет, — коротко отвечаю я, не вдаваясь в подробности.

— На сегодня всё. Завтра жду вас в тоже время. Только оденьтесь в более рабочую одежду, а то можете испачкаться.

— Хорошо, — киваю я.

Попрощавшись с Марией Львовной, мы выдвигаемся в сторону академии.

— По пути будет магазин «АкадемФорма». Мы можем туда заехать?

— Я не твой личный водитель, — грубо отвечает Аид.

— Останови тогда на перекрёстке. Я сама доберусь.

— Ты уехала из академии со мной и приедешь обратно со мной. Не собираюсь оправдываться, если с тобой что-то случится. Отметимся перед ректором и можешь делать, что хочешь.

— Мне нужно сегодня забрать свой заказ! Пока мы доедем до академии, потом мне надо будет вернуться обратно, магазин уже закроется. Высади меня!

— Хотя подброшу. Вспомнил, что мне тоже нужно купить ещё одну рубашку.

Вот же высокомерный мудака!

Отворачиваюсь к окну, кипя от злости. Перед ректором он оправдываться не хочет. Ага, конечно. Плевать он хотел на него и на меня.

В магазине сразу подхожу к кассе и называю номер заказа. Девушка выносит мне пиджак и белую блузку. Я открываю кошелек, чтобы оплатить, и вспоминаю, что часть денег потратила на угощения.

— Вы можете отложить блузку на два дня? — поднимаю взгляд на девушку.

— Отложить мы можем только на двадцать четыре часа. Размер ходовой, поэтому мы его надолго не откладываем.

— Я знаю, поэтому и сделала заказ заранее, — говорю, стараясь игнорировать присутствие рядом стоящего Аида. Я бы очень не хотела, чтобы он был свидетелем этого разговора.

— Можно сделать новый заказ, но он будет готов только в следующий понедельник.

— Хорошо, — достаю из кошелька оставшиеся купюры и протягиваю девушке.

— Попробуйте приехать через пару дней, возможно, блузку ещё не купят.

Я молча киваю. Забираю пакет со своим пиджаком и выхожу из магазина, не дожидаясь Аида.

Повесив пакет на руку, убираю ладони в карманы бомбера, стою возле машины, мысленно считая, сколько осталось дней до того, как съемщики квартиры перечислят мне оплату за следующий месяц, чтобы не просить денег у тёти Светы. Не так много. Думаю продержусь.

Аид выходит из магазина с фирменным пакетом. Он целенаправленно направляется ко мне. Даже на расстоянии я чувствую его злость, но не могу понять, что его так разозлило.

— Ты реально думаешь, что я настолько дурак и не пойму твоих манипуляций?

— Какие манипуляции?

— Потратила последние деньги на сладости, решив надавить на жалость, чтобы я всё оплатил? Сладости будут дешевле, чем твоя блузка.

— Не неси чушь!

— Не прикидывайся бедной овечкой. Я таких, как ты, издавна вижу. Поступила сюда, чтобы найти богатого любовника?

— Ты больной? Если бы мне нужен был покровитель, я бы сразу согласилась на посвящение. Ты об этом не подумал?

— Да брось, — усмехается он. — Ты просто оказалась чуть умнее остальных и действуешь хитрее. А так ты ничем не отличаешься от этих шлюх.

Всё! Моя выдержка летит к чертям.

Я вынимаю свободную руку из кармана и отвешиваю хлёсткую пощёчину этому уроду...

Глава 14. Ева

От моей пощёчины голова Аида дёргается в сторону. Он со свистом выдыхает, сжимает челюсть так, что на скулах виднеются желваки. На мгновение он замирает, прикрыв глаза. Потом его грудь медленно поднимается от глубокого вдоха. Затем он так же медленно поворачивает голову обратно.

Почувствовав всю его пылающую злость, которая волной накрывает и меня, я делаю шаг назад. Ладонь, которой я его ударила, неприятно жжёт, будто я коснулась раскалённой поверхности. Не сводя взгляда с обманчиво спокойного Аида, я сжимаю и разжимаю пальцы, пытаюсь избавиться от неприятного ощущения.

Внезапно он делает резкий выпад и хватает меня за локоть, дёргая на себя так, что я врезаюсь в его грудь. Другой рукой он достаёт из кармана джинсов ключ и, нажав на кнопку брелока, снимает машину с сигнализации.

— Отпусти меня! — пытаюсь вырваться, но его пальцы лишь сильнее сжимаются вокруг моего локтя, причиняя тупую боль. — Я сама доберусь до академии.

Он игнорирует мой протест. Распахнув пассажирскую дверь, он буквально запикивает меня внутрь салона, как нашкодившего котёнка. С силой захлопывает дверь и, закрыв машину на сигнализацию, обходит её.

— Вот чёрт, — бормочу, наблюдая через лобовое стекло, как хозяин машины приближается к водительской двери. — Кажется, я опять влипла по полной.

Он зол. Хотя нет, это слишком мягко сказано. Он в дикой ярости. В состоянии аффекта он может и ненароком прибить. И ведь его за это оправдают.

Аид запрыгивает в салон, заводит двигатель и с пробуксовкой трогается с места. Его хмурый взгляд устремлён на дорогу, а на лице не дёргается ни единый мускул. Ноль эмоций. И это пугает ещё больше.

— Куда ты меня везёшь? — с истеричными нотками спрашиваю я, когда мы проезжаем мимо поворота на академию.

Он молчит.

— Аид, давай разберёмся в этой ситуации. Ты эту пощёчину получил заслуженно! Ты меня оскорбил!

Чёрт. Он словно не слышит и продолжает молчать.

Когда мы сворачиваем с главной дороги на ухабистую просёлочную дорогу, ведущую в сторону леса, меня накрывает паника. Я узнаю это место. Он привёз меня туда, где в прошлый раз оставил одну.

Аид так резко тормозит, что я упираюсь ладонями в панель. Не заглушив двигатель, он выходит из салона и рывком распахивает мою дверь. Молча вытаскивает меня из машины и тащит к багажнику.

— Аид, что ты задумал? — брыкаюсь изо всех сил, и у меня почти получается вырваться, но он тут же перехватывает меня за талию и прижимает спиной к своей груди. Второй рукой он распахивает дверь багажника.

Затем обхватывает пальцами мой подбородок, заставляя запрокинуть голову, и, склонившись к моему уху, так что его губы едва касаются мочки, спрашивает:

— Кто научил тебя распускать руки?

— Никто.

— Первый раз, тогда в спортзале, я спустил тебе эту выходку. Но сейчас я тебя проучу, чтобы больше не смела поднимать на меня руку.

— Ты меня обозвал!

— Это не даёт тебе права распускать руки, — рычит он.

Моя паника достигает пика, когда я чувствую, что его рука опускается к пуговице моих джинсов. Он расстёгивает её, затем молнию, и я начинаю брыкаться как умалишённая, охваченная животным страхом.

— Отпусти, придурок! — кричу я, извиваясь изо всех сил.

Аид крупнее меня раза в четыре, и мне с ним точно не справиться. Силы быстро уходят, мышцы горят от напряжения. Он, не прикладывая усилий, подхватывает меня под мышки и, словно пушинку, закидывает в багажник, кладя животом вниз, так что мои ноги свисают над землёй.

— Аид, уже не смешно! Не смей меня трогать! — выкрикиваю я, пытаюсь повернуться к нему лицом, но ничего не выходит, его рука давит на лопатки и не дает пошевелиться. — Ты потом сильно пожалеешь об этом! Твой отец никогда тебе этого не простит!

Но он меня не слышит. Одним резким движением он стягивает с моей задницы джинсы. Я ощущаю прохладный воздух на коже. Слезы подкатывают к глазам, а в груди нарастает всхлип.

Боже. Лучше пусть убьёт меня, чем быть изнасилованной.

Но тут происходит то, что повергает меня в ещё больший шок. Мою правую ягодицу обжигает хлёсткий шлёпок. Затем второй. Жгучая боль прокатывается по телу.

— Ай! — вскрикиваю я, дёргаясь.

— Ты меня ударила дважды, — невозмутимо произносит он, — значит, ответку получишь в двойном размере.

Потом он сдвигает мои хлопковые трусики с левой ягодицы, задевая подушечками пальцев кожу, и по спине пробегает дрожь.

Вслед за этим следует ещё один шлепок, ягодицу обжигает огнём, затем второй. Я невольно выгибаюсь, пальцы вцепляются в твёрдую поверхность багажника. Задницу жжёт так, будто на неё плеснули кипятком, а тело обдаёт волной жара.

Внутри меня бушует настоящий ураган эмоций: унижение, обида, неожиданное осознание того, что всё могло быть гораздо хуже. Всё смешивается в дикий коктейль. Из глаз начинают катиться слёзы. То ли от пережитого ужаса, то ли от невыносимого облегчения.

— Чего лежишь? — насмешливо спрашивает этот гавнюк. — Так понравилось, что хочешь ещё?

И тут я понимаю, что меня уже никто не держит. Я отталкиваюсь руками от поверхности багажника и прыгаю на землю. Быстро натягиваю на задницу джинсы, вытираю ладонями мокрые щёки и резко поворачиваюсь к Аиду. Его лицо приобрело довольное выражение, а в глазах читается удовлетворение. Он выпустил пар и сейчас чувствует облегчение, в отличие от меня. Меня просто бомбит от унижения.

— Ты больной придурок! Который совершенно не умеет анализировать и делать самостоятельные выводы. Я не просила тебя со мной идти в магазин. Откуда мне было знать, что ты пойдёшь со мной?

— Хм... хочешь сказать, что ты не рассчитывала на это? — его бровь иронично приподнимается. — Ты прекрасно знала, что я отвечаю за тебя перед ректором. И одну я тебя бы туда не отпустил.

— Аид, ты себя хоть слышишь? Одну бы не отпустил в магазин? Отвечаешь перед ректором? Да тебе плевать! Ты просто пытаешься найти причину, чтобы доказать самому себе, что ты прав. Да что с тобой?

— Я ничего не пытаюсь доказать. Тем более самому себе. Я знаю, что прав. Садись в машину.

— Да пошёл ты! Сама дойду. Дорогу я знаю.

— Я сказал, быстро села в машину.

— Отвали от меня! — срываясь, выкрикиваю я. Нет у меня сил спорить. Я устала! — Что мне нужно сделать, чтобы ты от меня отвалил? Забыл о моём существовании?

Аид сначала хмурится, словно мой выпад застал его врасплох. Несколько секунд он молча смотрит на меня, затем его губы растягиваются в довольной ухмылке.

— Ты проиграла в играх. Поэтому обязана исполнять все мои желания до конца учебного года.

— Я проиграла? Мне казалось, была ничья, — усмехаясь, намекаю на наш бой в грязи.

— Да ты! Тем более я всем объявил о своём покровительстве, — он скрещивает руки на груди, наслаждаясь моей реакцией.

Я понимаю, что просто так он от меня не отстанет, а у меня нет больше сил сопротивляться, поэтому нужно договариваться.

— Месяц, — цежу сквозь зубы, давая себе обещание, что он ещё пожалеет о моём унижении и сам откажется от своих желаний. — До конца месяца благотворительности. Желания в пределах разумного. И спать с тобой я не буду!

— Тут можешь не переживать. Ты не в моём вкусе. Мой дружок даже не дёрнется в твою сторону.

— Хотя одна отличная новость, — едко выговариваю я, но его слова успевают проехать по моей самооценке.

— Это все условия?

— Нет, — тоже скрещиваю руки на груди, возвращая себе хоть немного уверенности. — Так как я считаю это полным бредом, и ты просто вынудил меня согласиться, поэтому если чтобы было всё честно в конце нашего договора ты тоже исполнишь два моих желания.

— Хорошо, — с лёгкостью соглашается он, что вызывает у меня подозрение.

— Любых.

— Ты так говоришь, словно уже знаешь, что хочешь загадать, — прищуривается он.

— Пообещай, что исполнишь, — прошу, игнорируя его реплику.

— Вставать перед тобой на колени и извиняться перед всем кампусом я точно не буду.

— Не переживай, мои желания не будут связаны с твоим публичным унижением. Есть более важные вещи в жизни, чем издеваться над людьми.

— Ладно. Я исполню твои желания, если ты будешь безоговорочно исполнять все мои.

— Хорошо. Тогда договорились, — я протягиваю ему ладонь, чтобы закрепить наш договор.

Усмехнувшись, Аид пожимает мою руку, а затем дергает на себя, охватывая второй рукой мою шею сзади, а большим пальцем приподнимает мой подбородок.

— Отпусти меня, — шиплю я. — А то я решу, что тебе нравится моя близость.

— У тебя слишком бурная фантазия, убогая.

— Тогда перестань меня постоянно дергать на себя! — дергаюсь, пытаюсь вырваться.

— Слушай сюда, — притягивает к себе ещё ближе и сильнее сжимает шею. — Если хоть одно желание ты не исполнишь, наш договор расторгается.

— Даже не мечтай об этом!

Я точно не упущу такой шанс. Я знаю, что загадаю. И это будет не так легко ему сделать, ведь это единственная цель, которая не даёт ему спокойно жить.

Глава 15. Ева

Я просыпаюсь от тихого хлопка двери. Подскочив в кровати, я всматриваюсь в полумрак комнаты, и мой взгляд натывается на Агату. Она проходит к своей постели, стягивая с плеч фирменный пиджак академии. Тянусь к телефону и сонными глазами вглядываюсь в тусклый экран. Семь часов утра.

— Ты не здесь ночевала?

— У Клима, — тихо отвечает она, стоя ко мне спиной.

Я вчера вернулась поздно и даже не обратила внимания на кровать Агаты, завалилась спать и моментально вырубилась, даже не успев толком разобрать постель. Уже пять дней мы с Аидом ездим в детдом и помогаем привести в порядок спортзал. Все эти дни он ведёт себя подозрительно тихо, только замечаю, как он исподлобья украдкой наблюдает за мной. Его взгляд тяжелый, прожигающий, но стоит мне обернуться, как он тут же отводит глаза или делает вид, что занят своими делами. Такое поведение настораживает меня ещё больше, чем его обычные выходки. Я каждый день жду, что он что-нибудь выкинет, но нет, всё спокойно.

— Агат, посмотри на меня.

Она оборачивается, и я замечаю её заплаканные глаза. Я встаю с кровати, поправляя майку, и подхожу к подруге.

— Ты плакала?

Она молчит.

— Что случилось? Он тебя обидел? — сильно пугаюсь, зная, на что способны эти мажоры, привыкшие к безнаказанности и вседозволенности.

— А кого он не обижает? — горько усмехается она, пытаясь перевести разговор в шутку.

— Он тебя тронул?

— Нет, — шмыгает носом, мотая головой.

— Что тогда?

— Всё сложно, — она плюхается на кровать, закрывая лицо руками, и начинает плакать.

— Чем я могу помочь? — опускаюсь рядом и обнимаю её за плечи, притягивая к себе.

— Ничем. В этом мне никто не сможет помочь, — горько произносит она между всхлипываниями.

Да что у них происходит? Агата последнее время ходит сама не своя. А этот засранец — как его ни встречу, вечно улыбается во все свои белоснежные тридцать два зуба. Эта улыбка выглядит настолько самодовольной и наглой, что мне каждый раз хочется стереть её с его лица. Складывается впечатление, что он получает искреннее удовольствие от того, что изводит Агату.

— Иди собирайся на пары, — говорит она, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Я сегодня не пойду.

— Агата, это плохая идея. Нам нельзя прогуливать. Ты же знаешь, какие в академии строгие правила, — пытаюсь переубедить её, понимая, что сейчас ей действительно не до учёбы, но и не хочу, чтобы у неё были проблемы.

— Скажи на кафедре, что я себя плохо чувствую. Я позже схожу к врачу.

Она забирается на кровать и отворачивается к стене, свернувшись клубочком.

— Агат...

— Всё будет хорошо. Не переживай.

— Хорошо. После пар я загляну к тебе.

Приняв душ, я натягиваю на себя форму академии и спешу на кафедру, чтобы предупредить декана об отсутствии Агаты на парах по уважительной причине. Затем бегу на первую

пару. До звонка осталось всего пару минут, но некоторые студенты даже не спешат, спокойно расхаживают по коридорам.

— Ева, — окликает меня незнакомый голос. Поэтому забив, я бегу дальше. — Ева!

В этот момент звенит звонок на пару, и я почти добегаю до аудитории, как вдруг меня хватают за локоть, резко останавливая.

— Да стой ты! — меня разворачивают, и я оказываюсь лицом к лицу с незнакомцем.

Передо мной возвышается брюнет с пронзительными зелеными глазами.

— Ты оставляла заявку на репетиторство по программированию.

— Да, — отвечаю, хотя это не вопрос, а констатация факта.

— Я твой репетитор, Кирилл. Я учусь на третьем курсе в академии ИТ.

— Ого, — удивляюсь я.

— Что тебя удивило?

— Думала, что программа репетиторства только внутри нашей академии бизнеса.

— Нет, программа общая для всех академий.

Академия «диАмаДА» — это огромный комплекс с разными направлениями. Это целый студенческий городок, где сосредоточены самые разные факультеты. Я учусь в академии бизнеса, но помимо неё есть ещё академия ИТ, академия спорта, академия музыки и ещё несколько других. Каждая из них находится в отдельном корпусе, но все вместе они образуют единое целое.

— Ясно.

— Сегодня после пар у нас с тобой первое занятие.

— После пар я не могу. Я участвую в месяце благотворительности, — развожу руками, надеясь, что он поймёт.

— Хорошо. Во сколько ты возвращаешься?

— По-разному, — пожимаю плечами. Всё зависит от того, когда его «высочество» Аид решит, что на сегодня миссия выполнена.

— Нам нужно как-то договориться о времени и месте, если ты хочешь подтянуться по этому предмету.

— Прости, — прихожу в себя. — Давай сегодня в семь.

— Договорились, — он хмурится, и я замечаю, как его взгляд устремляется за мою спину.

Моё тело мгновенно напрягается, каждая клеточка замирает от той всепоглощающей энергии, которую я чувствую спиной. Эта мощная, подавляющая аура, заполняет собой всё пространство. Мне даже оборачиваться не надо, чтобы понять, кто стоит позади меня. Аид.

— Отлично, — натягиваю улыбку. — Тогда в семь у фонтана. Там решим, куда пойдём.

— Хорошо, — невозмутимо отвечает Кирилл и, бросив последний взгляд на мою спину, спокойно уходит.

Я делаю глубокий вдох, разворачиваюсь и широкой дугой обхожу Аида, даже не взглянув на него.

— Стоять! — опять хватает меня за локоть. — О чём вы с ним договорились?

— Не твоё дело, — выдёргиваю руку, мгновенно закипая от злости.

— Слушай сюда, — рычит он, нависая надо мной. — Пока ты под моим покровительством, ты не будешь крутить шашни с кем-то ещё.

— Ты опять делаешь поспешные выводы, — рычу в ответ.

— Тогда о чём ты с ним договорилась?

— Я не обязана перед тобой отчитываться.

— Непослушная стерва!

— А они бывают послушными? — вырывается у меня.

— Ну всё, — рычит Аид и наклоняется, явно намереваясь закинуть меня на плечо.

Я реагирую мгновенно, отпрыгивая назад.

— Аид, у меня нет такой привилегии, чтобы пропускать пары, — отступаю назад.

— Мне плевать, — он двигается на меня.

— А мне нет. У меня сейчас очень важная пара. Давай ты после выразишь своё недовольство по поводу моего непослушания.

Боже. Бред какой-то. Мы словно два сумасшедших, которые вечно ругаются и выясняют отношения.

Я хватаю ручку двери, распахиваю её и влетаю в аудиторию.

— Романова! — раздаётся недовольный голос преподавателя на моё громкое появление.

— Извините, — торможу я и чувствую, как Аид врывается в мою спину, обхватывая меня за талию своими руками. Он видимо действовал на инстинктах и даже не подумал о последствиях. Как всегда!

— Кантер, Вы что здесь забыли? — хмуро интересуется преподаватель, приподнимая бровь.

Я скидываю со своей талии руки Аида и скольжу взглядом по аудитории. Весь поток первого курса замер, все до единого пялятся на нас с открытыми ртами.

— Ошибся аудиторией, — отвечает Аид, и я тут же ощущаю его дыхание у своего уха. — После пар поговорим.

Аид выходит из аудитории, а я, опустив голову, иду к свободному месту в первом ряду, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов. Достая ноутбук и погружаюсь в лекцию. И тут меня осеняет. Как Кирилл меня узнал? Тем более он из другого корпуса. Хм... надо не забыть у него спросить. Интересно.

После последней пары я выхожу из аудитории и чуть не спотыкаюсь от неожиданности. Аид стоит напротив у окна, засунув руки в карманы голубых джинсов. Стоп! Голубые? Ого, он и футболку надел белую. Что это с ним сегодня?

— Поехали, — кивает он мне, словно я его ручная собачонка.

— Мне нужно зайти в комнату.

— У меня в багажнике есть рабочий комбинезон, оденешь его поверх формы, — он отлипает от подоконника и направляется к лестнице.

Закатив глаза, я молча иду за Аидом, но выйдя из здания, поворачиваю в другую сторону. Бесплезно с ним спорить, но и слушать его приказы я тоже не намерена.

— Убогая! — рычит он, догоняя меня.

— Меня зовут Ева! И мне нужно зайти в комнату, — я тычу пальцем в его грудь, чувствуя, как мышцы напрягаются от моего прикосновения. В его глазах мелькает что-то, похожее на улыбку, и я даже несколько раз моргаю, думая, что мне почудилось. Не может быть. Он никогда не улыбается, только скалится или насмехается.

Встряхнув головой, я иду дальше. Он следует за мной, что невероятно бесит. Думает, что сбегу на свидание к Кириллу и испорчу его репутацию короля академии? Отличная мысль, кстати.

Захожу в комнату и собираюсь захлопнуть дверь перед носом Аида, но он успевает проскользнуть внутрь.

— Подожди меня в коридоре, — шиплю на этого нахала.

— Неа, — он заваливается на мою кровать, закинув левую руку за голову.

Агата сидит на своей кровати, скрестив ноги, на которых стоит ноутбук. Она поднимает глаза и поверх экрана хмуро смотрит на Аида. Тот полностью игнорирует её присутствие, водя пальцем по экрану своего телефона.

— Держи, — я протягиваю подруге ноутбук. — Скопируй себе сегодняшние лекции.

— Спасибо, — она забирает ноут и кладёт его рядом с собой. Затем безмолвно кивает на Аида. Я отмахиваюсь и подхожу к шкафу, открывая дверцу.

Беру с полки чёрную футболку, такого же цвета джинсы и скрываюсь за дверью ванной, чтобы переодеться.

— Я готова, — выйдя, говорю я и хватаю со стула чёрную толстовку.

Аид отрывает взгляд от телефона и скользит им по мне. Насмешливо хмыкнув, он поднимается и выходит из комнаты, не сказав ни слова.

— Удачи, — шепчет Агата.

— Спасибо, сегодня она мне точно понадобится, — я чувствую это всеми фибрами моей души.

Глава 16. Ева

Я делаю пару шагов назад и внимательно осматриваю оконное стекло — не осталось ли где разводов. Идеально. Облегчённо выдохнув, закрываю створку. Это окно было последним, а значит, со своей задачей на сегодня я справилась.

Поставив средство для мытья окон на скамейку, достаю из кармана джинсов телефон и проверяю время. Ага, до семи часов ещё есть время, и мы почти закончили.

Обернувшись, нахожу взглядом Аида. Он сидит на корточках и крутит отвёрткой, собирая стол для пинг-понга. Все два часа, которые мы здесь находимся, он молчит, даже не проронил ни одной колкости в мой адрес.

— Аид, — в зал вбегают пять девочек и три мальчика. — Пошли играть в футбол!

— Я занят, — отвечает он, даже не поднимая головы, проверяя, как прикрутил ножку к столу.

— Ты почти закончил, — говорит девочка лет девяти.

— Мира, мне ещё нужно прикрутить баскетбольное кольцо.

— Завтра прикрутишь, — она топает ногой, хмуро глядя на него. Эта картина вызывает у меня улыбку: такая маленькая, а уже умеет настаивать на своём. — Мы проигрываем мальчишкам.

— Тогда мы возьмём себе в команду Еву, — говорит мальчишка лет одиннадцати, кивая в мою сторону. — Чтобы было честно.

— Аид, пошли, — настаивает девчушка, дёргая его за рукав футболки.

— В следующий раз отыграетесь, — отвечает он, не реагируя на её попытку сдвинуть его с места.

— Он просто боится проиграть, — встречаю я, не удержавшись.

— Кому? — хмыкает Аид, даже не взглянув на меня. В его голосе сквозит такая уверенность, что мне хочется доказать обратное.

— Мне!

Он перестаёт крутить отвёрткой и медленно поворачивает голову ко мне, вопросительно приподнимая бровь. В его взгляде мелькает что-то похожее на азарт, но он тут же прячет его за маской равнодушия.

— Я все окна домыла, теперь можно и детям уделить внимание, — улыбаюсь. — Только не долго, — предупреждаю детей, переводя взгляд на них. — Мне нужно через час вернуться в академию.

— Хорошо, — внезапно говорит Аид. Он поднимается, ставя стол на бок, а затем на ножки. — Проигравшие в понедельник моют пол в спортзале.

— Да! — кричат довольные дети.

Девчонки хватают Аида за руки и тянут к выходу. Я, оставив тряпку на скамейке, следую за ними.

— Ты хоть умеешь играть? — спрашивает Витя, вроде так его называли друзья.

— Думаю, в этом нет ничего сложного.

— Значит нет, — тяжело вздыхает он.

— А вы её на ворота поставьте. Мячик-то она наверняка умеет ловить, — насмешливо предлагает Аид, и в его голосе я слышу знакомые нотки издевки.

— Умеешь? — переспрашивает Витя с надеждой в голосе.

— Умею, — серьёзно отвечаю я, хотя хочется улыбнуться.

Витя громко выдыхает и срывается с места к полю с остальными детьми. Аид идёт чуть впереди, я ускоряю шаг, чтобы поравняться с ним.

— Нам в шесть надо выехать, — говорю я.

Он молчит.

Ладно, пофигу. Если что, вызову такси и уеду. Я не собираюсь подстраиваться под него.

Меня ставят на ворота, и первое время я наблюдаю, как дети с улыбками на лице бегают по полю вокруг серьёзного Аида. Он ловко управляет мячом, даже не думая поддаваться детям.

Внезапно стрельнув в меня взглядом, он несильно отбивает мяч в мою сторону и разбегается с широкой улыбкой на лице.

Вот чёрт! Вот почему он предложил поставить меня на ворота. Раз уж не может закидать меня камнями, решил попинать мячом.

Аид со всей силы замахивается ногой для удара по мячу, и мне по-настоящему становится страшно. Либо я полечу вместе с мячиками к сетке, либо получу сотрясение.

Когда его нога касается мяча, я на инстинктах резко присаживаюсь на корточки, опускаю голову и обхватываю её руками. Сердце колотится о рёбра, адреналин зашкаливает. А я уж на минутку подумала, что он может быть нормальным.

— Ну блин... — звенит в ушах детский голос, а затем просачиваются следующие слова, вместе со смехом девочек. — Ты же сказала, что умеешь ловить мячик.

Я медленно поднимаю голову. Две девочки лежат на траве, три согнувшись пополам громко смеются. Мальчишки хмуро смотрят на меня, явно недовольные моей импровизацией. А вот главный злодей смотрит на меня с улыбкой, да ещё и с ямочкой на каждой щеке, на которых я залипаю. Ему идёт улыбка, а ямочки делают его милым, что ли.

— Тебе повезло, что Аид не рассчитал удар и мячик пролетел над воротами, — продолжает возмущаться Витя, размахивая руками.

— Точно, — выпрямляюсь и виновато пожимаю плечами, глядя на мальчика. — Может, я пока в запасных побуду?

— Дети! — раздаётся голос Марии Львовны. — Быстро умываться. Скоро будет ужин.

— Мы не доиграли, — возмущаются мальчишки.

— Завтра доиграете, — отвечает она строго, а затем спрашивает у нас: — Поужинаете с нами?

— В следующий раз, — отвечаю я, прислоняя руку к животу, понимая, что я ничего не ела с самого утра. — Я сегодня тороплюсь.

— Ладно, — кивает женщина и уходит следом за детьми.

— Поехали, — бросает Аид через плечо, направляясь к стоянке. Опять он так делает, словно я его собачонка. Пошли, поехали, стой, подойди. Одни указания. Как только в моей голове возникает мысль, что он может быть нормальным, он доказывает обратное. Моя голова уже разрывается от этих противоречий.

Выехав с территории детдома, машина поворачивает в противоположную сторону от академии.

— Куда мы едем? — настораживаюсь.

— Ужинать.

— Мне нужно вернуться в академию. Меня ждут.

Его скулы напрягаются, но он молчит.

— Аид, меня будет ждать Кирилл. Мы договорились...

— Это моё первое желание.

— Ужин?

— Да.

— Так не честно, — возмущаюсь. — Мои личные обстоятельства должны также учитываться!

— Личные обстоятельства? — рычит он, резко тормозя возле придорожной кафешки. — Чтобы найти для себя выгодную партию?

— Он мой репетитор!

Аид зависает, глядя мне прямо в глаза. Не знаю, о чём, он сейчас думает, но я его явно немного ошарашила.

— Плевать, — внезапно выдаёт он и выходит из машины, закрывая её на сигнализацию.

Да что с ним? Словно в его мозгах кто-то хорошенько поковырялся, заложив определённые установки, и теперь он им следует. Я смотрю ему вслед, пока он заходит в кафешку — обычную придорожную забегаловку с яркой вывеской.

Аид возвращается минут через двадцать. Забравшись в салон, он ставит мне на колени прозрачный пакет с двумя белыми контейнерами.

— Шашлык, — определяю по аромату, от которого у меня во рту собирается обильная слюна.

— Здесь его готовят лучше всего, — спокойно отвечает он, заводя двигатель.

— Удивил, — хмыкаю я. Сарказм сам срывается с языка.

— Чем?

— Ты так ненавидишь убогих, но не брезгуешь есть в таких местах.

Аид игнорирует мою реплику. Машина трогается с места, и мы опять начинаем отдаляться от академии.

Отпустив ситуацию, отворачиваюсь к окну, прикрываю глаза и откидываю голову на подголовник. Плевать. Это не моё дело. Моя задача — продержаться оставшиеся три недели.

— Приехали, — чувствую, как из моих рук забирают пакет.

Распахиваю глаза, немея от увиденного. Мы стоим на берегу озера, вокруг которого густой лес, а над ним красивейший закат.

Я выбираюсь из машины, надевая толстовку. Аид, поставив пакет на капот, тоже надевает белую толстовку и забирается на капот машины.

— Можно? — киваю на место рядом с ним.

Он молча протягивает мне руку. Обхватив его ладонь, упираюсь ногой о решётку и запрыгиваю на капот. Мне в руки тут же суют контейнер.

— Спасибо.

Открыв его, натыкаю кусочек шашлыка на пластиковую вилку и откусываю, прикрыв глаза. Мясо сочное и тает во рту. Теперь я понимаю, почему он сказал, что здесь готовят лучше всего. Такого шашлыка я ещё не пробовала.

— С каким предметом у тебя проблемы? — внезапно спрашивает Аид.

— С программированием, — буркаю, откусывая ещё кусочек, глядя на золотистый закат.

— Я дам тебе свои лекции.

— Они мне ничем не помогут. Этот предмет мне туго даётся. Даже можно сказать, я вообще ничего в этом не понимаю. Я пересматривала записи, читала учебники — бесполезно.

— Это лично мои лекции с подробным описанием всех схем. Чеснов даёт только базу, и она не всем бывает понятна, особенно тем, кто вообще в этом ничего не смыслит.

— Тебе она тоже была не понятна?

— Нет.

— Тогда не понимаю, зачем ты это делал.

Он откладывает контейнер в сторону, вытирает рот салфеткой и нехотя отвечает.

— Сестра тоже должна была поступить в академию бизнеса, но... в последний момент передумала.

— Передумала или сделала по-своему? — хмыкаю я и понимаю, что ляпнула лишнего.

Чувствую на себе его пристальный взгляд, но я старательно люблюсь закатом. Хотя так и тянет посмотреть на него, но решаю пояснить:

— Ты просто замаялся, и я подумала, что ты не хочешь говорить правду.

— Отец хотел, чтобы она пошла учиться на управление бизнеса и права, но она его не послушалась и подала документы в художественную академию.

— Твой отец, наверно, был в ярости.

— Нет, — хмыкает он. — Он её очень любит.

— Прозвучало так, словно он любит только её.

— Не только, — прыгивает с капота. — У меня есть второе желание.

Я уж подумала, что моё плохое предчувствие, которое я чувствовала сегодня всеми фибрами души, меня подводит. Но нет, его выражение лица говорит об обратном.

— Какое?..